

#Имя для Лис

Автор:

Ли Виксен

#Имя для Лис

Ли Виксен

#ONLINE-бестселлер Меня зовут Лис #3

История вот-вот свершится. Чтобы спасти Королевство, отважной Лис предстоит разгадать загадки таинственных посланий, сплести воедино имена и судьбы, повстречать старых друзей и врагов и не раз проверить себя на прочность. Готова ли Лис узнать правду, сколь страшной та ни была бы? Сумеет ли она сберечь свое подлинное имя и примириться с ним? Ведь самая главная битва – это битва с самим собой...

Когда мир висит на волоске, а тьма становится чернее ночи, остается лишь оседлать коня и тронуться в путь, и только Войя знает, сколько дверей придется открыть, прежде чем одна из них приведет к дому.

Ли Виксен

Имя для Лис

Имя первое: Мастос

Урожай погибал на глазах. Казалось, солнце так нещадно целовало тонкие побеги льна, что только возьми нежные листочки в руку – они рассыпались бы горстью пыли. Поля к югу от Ярвелла оскудели, но дело было не только в

удушающей жары, накотившей на пашни Королевства. Местные крестьяне никогда не любили своей земли.

Если восточные земледельцы дышали каждой толикой своих наделов, знали, где приживется сад, а где можно высадить привередливые культуры, то западники жили надеждой. Близость Ярвелла их разнежила, постоянные дотации на поднятие целины избаловали. Эти люди жили верой, что придет новая порция средств и их жизнь улучшится. Работать они не хотели и не умели, поэтому земля платила им тем же – презрением.

Я с тоской смотрела на умирающий лен, и мне вдруг показалось, что то же самое происходит и со мной: я будто сохну изнутри, теряя драгоценные жизненные соки. Но если у льна был хозяин, ответственный за его гибель, то себя я добивала сама.

«Я стала занудой, – пришлось сознаться самой себе. – Иду от цели к цели и толком не успеваю или уже не умею наслаждаться жизнью. Она проходит где-то поблизости. Но рукой не дотянуться: пальцы слишком судорожно сжимают эфес».

А рядом звенел детский смех. Носились собаки непонятной масти. Тут же мужчины с хохотом обнимали жен, и те дурашливо визжали.

Я злилась на всю эту жизнь, но, может, и завидовала ей. Хотела сойти с намеченного пути и тоже погрузиться в смех и объятия.

Так бывает с мужчиной, который перешагнул через порог зрелости и уже стал состоятельным главой семейства. В один день – неважно, ненастный или солнечный – он вдруг бросает и красавицу-жену, и своих сладких крошек и отдается какому-то демоническому кутежу. То устремляется в бордель и пробует девок самого низкого пошиба, то пропадает в лесах, охотясь на диких кабанов. И никакие слезы и мольбы не способны вернуть этого человека в лоно семьи. Глаза его блестят, как у беса, ведь примерный семьянин оторвался от рутины и вновь распробовал вкус жизни.

И, кажется, я начинала понимать, в чем тут дело. Внутри меня нарастал постоянный зуд, который выливался в произнесенные вопросы: «Куда я иду? Зачем мне вообще воевать на этой войне? За кого, за этих людей? Волнует ли

меня их судьба?».

Когда я была маленькой девочкой из замка, казалось, что мир благоволил мне. Жизнь протекала в достатке и любви рядом с пусть тайным, но столь близким объектом обожания. Потом случилось несчастье, и я уверилась, что мир меня ненавидит. Затем много чего было. Я росла и менялась, происходили счастливые события и ужасные. Подарки судьбы и ее удары сыпались на меня как из рога изобилия. Но только сейчас я осознала, что мир не любит и не ненавидит меня. Ему просто плевать.

Мир никогда не смотрел на меня и не следил за мной. Для него и девочка из замка, и мальчишка-легионер, и наемница из Ларосса были равны. Не значимее пыли под ногами. И только гордость мешала мне заметить это ранее. А теперь равнодушие мира обрушилось, словно лавина грязи, которая поглотила меня снаружи и заполнила изнутри. Я переросла и наивного Лисенка, и Бешеную лисицу и теперь напоминала лисье чучело, набитое не ватой, а равнодушием.

– Я – чучело, – тихо проговорила я.

– Да брось. – Мастос замахал на меня руками. – Ну, не выпалась. Ну, темные круги под глазами и волосы в беспорядке. Но никак не чучело. Красивая измученная женщина.

Я исподлобья злобно глянула на монаха. Не знаю, что обиднее: то, что он воспринял мои слова буквально, или то, что увидел во мне признаки «чучела».

– Лучше скажи, Лис, что делает короля – королем? – Мастос оседлал своего излюбленного конька. Чтобы скоротать дорогу, он заводил бесконечные разговоры на отвлеченные темы. И не было никакой возможности отвязаться от него. Либо ты присоединяешься, либо монах болтает в одиночестве. Варианта, когда все просто молчат, не предполагалось.

– Корона?

Мастос отрицательно покачал головой.

– Кровь? – Я уловила едва заметный кивок, который на языке старого учителя означал: «Ты близка к истине».

– Не знаю. Серебряная ложка во рту и золотой слиток в заднице.

– Королей создает вера, – вкрадчиво произнес старик. – Вера народа в то, что монарх избран божьей или людской волей. Эта вера питается такими мифами, как определенное родство по крови или наличие королевских регалий вроде короны. Но все они ничтожны перед людской верой в то, что самодержец имеет полное право занимать трон.

– И старуха Крианна этой верой обладает, ты к этому ведешь?

На сей раз беседа хотя бы косвенно касалась цели нашего визита в столицу. Поэтому я слушала чуть внимательней, чем обычно.

– Да. Народ убежден, что старушонка имеет право на трон. – Мастос задумчиво потер покрытый седой щетиной подбородок. – Крианна на троне, война окончена. Но если заглянуть в недалекое будущее, то все эти перспективы обернутся прахом. Догадываешься, почему?

– У нее нет наследника? – предположила я.

– Именно. А это значит, что как только Крианна преставится, то снова начнется война за трон. О-хо-хо. Или...

Даже эфемерная возможность избежать бойни, растоптавшей поля моей страны и согнавшей бывших крестьян под знамена легионов, была важна. Поэтому я поторопила монаха:

– Или что?

– Или она выйдет замуж.

Я поперхнулась и уставилась на Мастоса.

– В ее-то возрасте да под венец?

– Во-первых, не суди стариков так строго, – недовольно произнес Мастос, ускорив шаг. – Я и сам немолод. Но, поверишь ли, в последней деревне одна хозяйюшка...

Я в отчаянии затрясла головой. Последователь культа Элеи свято чтит свой долг нести любовь людям, но иногда чересчур увлекался рассказами о подвигах во имя богини.

Мастос поглядел на меня и вздохнул, но все же вернулся к предыдущей теме.

– Разумеется, ни о какой любви или страсти речи не будет. Политическое решение, чтобы избежать народных волнений. Крианна вряд ли принесет наследника. – Старик деликатно кашлянул. – Для этого она и вправду старовата. Но выбрать себе принца-консорта ей по силам. А затем, когда ее душа покинет этот мир, вера сделает свое дело.

– Люди забудут про кровь и корону, верно? – Я усмехнулась. – А принц-консорт сможет найти жену помоложе, чтобы нарожать хоть тысячу наследников.

– И, скорее всего, это будет человек из ближнего окружения Крианны. – Мастос сверкнул взглядом из-под кустистых, как у всех крайнийцев, бровей. – Ты понимаешь – например, генерал.

Я вздохнула. Иногда догадаться, шутит Мастос или нет, просто невозможно. К тому же обсуждать генералов я была не готова – пока нет, – поэтому обернулась, чтобы позвать мага.

– Слэйто!

При виде него, шедшего далеко позади, я почувствовала, как сердце сжалось от грусти. Ох, Слэйто...

Не без моей помощи мой милый маг вернулся с того света и открыл жизнь заново. Поначалу ему словно хотелось рассмотреть этот мир в подробностях, попробовать его на вкус, пощупать рукой. И это не красивый оборот речи. В первые дни после того, как мы покинули Волчий сад, Слэйто нередко подходил и легонько сжимал рукой мое плечо. При его росте особого труда это не

составляло. И дело было не в том, что он стремился почувствовать близость или оказать знак внимания, как бы мне ни хотелось в это верить. Просто Слэйто нравилось осязать, касаться кончиками своих холодных пальцев живой плоти.

Два года жизни в ожидании неминуемого конца сделали из мага скептика и мизантропа. Он закрылся от внешнего мира, не позволял ему ни цветом, ни запахом, ни прикосновением проникнуть себе в душу. Но когда у Слэйто появилась призрачная надежда на жизнь, он отдался чувствам без остатка.

Я наблюдала за его раскрытием издалека и с улыбкой, подобно тому как мать следит за обучением слишком взрослого ребенка. Старалась не мешать, не спугнуть его искренний порыв познать мир. Но, видимо, отошла слишком далеко и что-то проглядела. Я пропустила миг, когда он сломался.

Я сказала что-то не то? Или это был Мастос? Что произошло, что случилось – осталось тайной. Просто внезапно в одной из деревенок на юге Слэйто начал отдаляться. Маг реже участвовал в разговорах, взгляд его сделался отрешенным и задумчивым, словно мой друг замкнулся в себе и вести беседы с нами ему стало неинтересно.

Поначалу я была уверена, что это пройдет. Пыталась вытащить его из раковины, втягивала в беседы, мучила вопросами, но вскоре заметила, что каждый мой порыв натывается на испуганный взгляд, совсем как у собаки, побитой камнями. И замолчала сама.

Оставались ночи. Холодные объятия, горячие поцелуи, хрупкий сон и вторжения в кошмары, где меня все еще преследовал золотой вихрь, да мои всхлипы поутру, когда все заканчивалось. Он ни разу не оставил меня одну, несмотря на то, что за день мог не проронить ни слова. А потом закончилось и это. В кабаке на перекрестке пяти дорог Слэйто невзначай сказал, что будет рядом на случай кошмаров, но в постель со мной не лег. Кинул свой тяжелый серый плащ на соломенные маты у окна и отвернулся к звездам.

Я тоже легла к нему спиной, уставившись в стену. Силой воли подавила протяжный бабий вой. Вспомнила бабушкину присказку: «Воробья колотушкой петь не заставишь. Милу девку кулаком к себе не привадишь», и сердце немного отпустило. Слэйто был не первым мужчиной, который от меня отказался. Возможно, я просто не была создана для любви или чего-то подобного. «Это

пройдет, – прошептала я себе в темноте. – Потом будет не так больно. Это ничего. Ничего».

Слэйто был нужен нам с Мастосом для похода в столицу и для защиты, иначе золотой вихрь свел бы меня с ума. Мощь, которой управлял Слэйто, была нашим секретным козырем. И поэтому я не могла себе позволить обычную женскую слабость: послать к Войе мужчину, который отправил туда же меня саму. Да и он, несмотря на то, что продолжал отдаляться, не выказывал желаний покинуть наш отряд. Послушно шел, куда ему говорили, ел – когда накрывали стол, спал – когда был уверен, что в эту ночь золотой шторм не накроет меня.

Иногда мне казалось, что его отстраненность исчезает, – и в эти мгновения я ловила на себе его взгляды. В них было намешано эмоций больше, чем в Белой башне Слэйруса. И злость, и обида, и какая-то неясная мне боль. Но вот Слэйто моргал и снова становился похож на сонную птицу. Так что, возможно, все эти взгляды были лишь игрой моего воображения. Остатками веры в то, что между нами что-то было и когда-нибудь снова будет.

Вот и сейчас он потерянно оглядывался по сторонам, отстав от меня и Мастоса на добрых двадцать шагов. Маг поравнялся с одним из селян и, хотя казалось, что разум его дремал, довольно ловко уступил тому дорогу. Седой старик с редкой бородашкой только неодобрительно фыркнул.

* * *

Мы двигались на север по Западной тропе. Все чаще на нашем пути попадались маленькие деревушки, построенные словно из бумаги. Оно и ясно – престольный регион за годы войны ровняли с землей не раз и не два. Люди боялись бросать хозяйства, но и отстраивать дома надежными смысла не было. Ведь появится новый легион и опять сведет все старания к нулю. И так как Ярвелл все-таки располагался на юге, решение было найдено: непрочные, но легкие стены из упругой просушенной на солнце лозы. Возвести такой домишко силами небольшой семьи получалось за пару дней. Он давал достаточно тепла, стоил купы и не позволял дождю залить очаг.

Последнюю такую «бумажную» деревеньку мы оставили позади с полчаса назад. Но до сих пор встречали ее жителей в холщовых колпаках, с корзинами наперевес: кто-то набрал грибов, а кто-то – лесных трав. Люди недовольно

оглядывали нас с ног до головы, ворчали себе под нос и плелись в сторону поселка. Вот и старик, чуть не столкнувшийся со Слэйто, пробухтел не то проклятие, не то напутствие и скрылся из виду. Маг же заозирался, словно что-то потерял. Затем обернулся и почти вприпрыжку подбежал к нам.

- Ну конечно. Все сходится! Знаете, где мы?

- Посреди леса. - Мне все чаще казалось, что я разговариваю с умалишенным. - На Западной тропе. Да ты ведь и сам это знаешь.

- Нет, не то. - Голос Слэйто дрожал и едва не срывался. - Все сходится. И запах. По запаху-то сразу все понятно.

Я принялась. В лесу, как и положено, пахло прелой листвой, затхлой водой и немного - какими-то цветами. Резковатый сладкий аромат с легкой горчинкой бил в нос.

- Цветами пахнет.

- Глицинией, - уточнил Мастос, потянув воздух так, что затрепетали крылья его массивного носа.

- Конечно! - воскликнул Слэйто и даже улыбнулся, что редко бывало в последние дни. - Потому что раньше здесь цвели сады Сижарле!

Я ахнула:

- Не может быть!

- Мы гораздо ближе к Ярвеллу, почти дошли и оказались именно здесь. Кто ж знал, что Тропа проходит по этим землям. - Маг мечтательно прикрыл глаза. - Это как возвращение в прошлое, к тем, кого я давным-давно покинул. Арлин, Мури... Вот какому времени я принадлежу, а совсем не этому. Может, мне стоило бы уже присоединиться к своим старым знакомым...

- Ну извини, что вытащила тебя с того света, - едко заметила я.

Слэйто растерянно заморгал, догадавшись, что его слова не на шутку меня задели. На миг меня кольнуло острое ощущение недовольства собой. Когда я полезла в килиаз с Любовью, то не спрашивала Слэйто, хочет ли он возвращаться в мир живых. Я выдернула мага с того света без спросу, а теперь требовала благодарности. Это было... Эгоистично?

– Я не о том, Лис! Прости. Видишь ли... Я не чувствую себя здесь на своем месте. Мы идем сражаться с какими-то непонятными силами, а я... Просто вдруг понял, что это не мое время и место...

Внезапно заговорил Мастос:

– На фразу «Я слишком стар для этого дерьма» есть право только у меня, молодежь. Поэтому особенно не раскисайте.

Я не стала объяснять старику, что если зачесть возраст той части Слэйто, которая существовала как Сияющий, то ему не меньше двух сотен лет, а это вчетверо больше против Мастоса. Меня интересовало другое.

– Лакцины нет. Сижарле превратился в лес. Со времен Слэйруса сменилось не так много поколений, чтобы города исчезли бесследно. Как такое возможно? – Я поддела носком сапога камень и зашвырнула его в кусты. – Ни столба, ни кладки, ничего.

Слэйто произнес фразу, от которой у меня мороз прошел по коже:

– Может, эти города не просто так исчезли. Может, и война не просто так. Вдруг нам... помогают?

* * *

Примерно в полдень мы сделали привал у замшелого валуна. Камень раскинулся над вытоптанной поляной, накрыв нас тенью, словно огромная ладонь. Мимо сновало все больше народу.

Вот прошла степенная матрона с выводком детишек мал мала меньше. Следом проковылял солдат со споротыми с кителя петлицами: то ли дезертир, то ли в

увольнительной. Одну ногу бывший легионер подволакивал. Уж не на Переправе ли Адской гончей он получил свою рану? Потом прошла старуха с тележкой, на которой были разложены ароматные травы, за ней нескончаемой вереницей потянулся простой люд. Мы сидели под валуном, словно зрители, и прохожие, как и положено настоящим актерам, не обращали на нас никакого внимания.

– Если это места бывшего Сижарле, значит, мы добрались до Вурусты. А это считай уже под Ярвеллом, – сказал Мастос.

Я взглянула на него вопросительно, не прекращая вычищать грязь из-под ногтей острием ножа.

– Это что, город какой-то?

– Ну уж не деревня. Главная кузница Королевства по части ремесленников, если не считать Штольца, но там больше по металлам и камням. – Мастос начал указывать на людей. – А сюда тебе, если ты хочешь, чтобы твоя дочь стала, скажем... Ну вот – мастерицей расшивать господские костюмы. – Старик ткнул узловатым пальцем в направлении проходившей мимо девушки в белом чепце с вышитой на нем голубыми нитками короной. – Или сына мечтаешь отдать в краснодеревщики. – Палец монаха указал на юношу, казалось бы, обычного крестьянина. Но на поясе паренька висели странные инструменты, из тех, что я знала, – маленький рубанок и долото. – Так вот, всех их надо отправлять именно в Вурусту. Обучение тут стоит недешево, зато какой толковый выйдет мастер!

– Город – это хорошо, – произнес вдруг Слэйто. Сегодня он был на диво разговорчив. – Мы сможем остановиться в гостинице. Помыться и привести себя в порядок, постирать одежду. Я не хочу прийти в столицу жалким голодранцем.

– Гостиница! Ха! Бери выше. – Старик радостно потер ладони. Я обратила внимание, что чем ближе мы к цели, тем четче проступает в нашем сельском учителе нечто новое: степенность, цепкость. Ну да это был вопрос десятый. Если бы помимо Алайлы и золотого шторма я решила бы разбираться еще и с прошлым Мастоса – то храни меня все боги, голова бы просто лопнула.

Монах расплылся в улыбке:

– В Вурусте живет моя бывшая ученица. Дом добротный и большой, места хватит всем.

– Примет ли она бродячую свору вроде нашей? – засомневалась я.

– Долг платежом красен, – загадочно протянул Мастос. – А почти все мои ученики – крайне благодарные и щедрые люди.

Я взглянула туда, откуда тянулась вереница ремесленников. Где-то там, за верхушками елей, лежала Вуруста, а еще дальше – Ярвелл. До Атоса, живого и во плоти, оставалось рукой подать.

* * *

Вуруста напоминала муравейник. Высокие дома желто-серой кладки, красная черепица и бесконечный людской поток, заполнявший все свободное пространство.

Многие мастерские выходили открытыми окнами-порталами на улицу. Я с удивлением разглядывала массивные ткацкие станки и непонятные машины из дерева и железа для обработки посуды. Где-то в глубине этих комнат вздыхали печи или трещали прялки, а на порогах сидели мастера. Они криками подгоняли своих учеников и следили за торговлей, которая кипела тут же: на широких подоконниках были выложены всевозможные диковинки. Переливавшиеся невесомые ткани, глиняные миски с изумительной росписью, браслеты из дерева и кости. Покупатели подходили, оценивали товар, вертели его в руках и лениво протягивали мастерам монеты. Те кричали и торговались, надкусывали желтыми зубами купы и махали рукой: «Будь ты проклят, скряга! Уж спасибо тебе за покупку. Приходи снова да приноси побольше денег».

Мои спутники не проявляли такого же интереса к Вурусте, как я. Слэйто снова замолчал, погружившись в раздумья. Мастос же оглядывался по сторонам почти с ненавистью. Заметив, что я за ним наблюдаю, монах виновато пожал плечами:

– Не люблю этот город. Он нечистоплотный.

Я тоже осмотрелась. Улицы были разве что не вылизаны. Булыжники мостовой блестели.

– По-моему, тут довольно чисто.

– Нет, Лис, не грязный, а нечистоплотный. Посмотри вокруг. Видишь ли ты разрушенные войной дома?

Удивительно, но, учитывая близость к столице, городок и впрямь был слишком идеальным. Мы видели столько сожженных селений – а Вурусты война словно и не касалась. Монах объяснил:

– Раз за разом сюда, под Ярвелл, приходили легионы: то один, то другой. И каждый раз Совет попечителей Вурусты откупался от армии. Один раз, второй, третий. Город не трогали, потому что он платил каждому захватчику звонкой монетой.

– Должно быть, жители тут богаты, – присвистнула я.

– А знаешь, за счет чего? – Старик устало потер переносицу. – Только очень зажиточный купец может отправить свое дитя к местным мастерам. Образование дорожает с каждым годом. Крестьяне и десять лет назад не могли себе позволить стать тут подмастерьями, а сейчас и подавно. Обучение, развитие талантов, помощь в получении мастерства – все это должно быть бесплатным. А вместо этого Вуруста превратилась в огромное чудовище, которое высасывает деньги. Кто их загребает? Знал бы я – свернул бы им шею. – Старик сделал характерный жест, сжав кулаки и красноречиво их провернув.

Мимо прошла девушка-швея, за ней – парень-портной, потом совсем юный мальчик с деревянными ложками на поясе. Их всех объединяло одно – то, что читалось в горделивой осанке, новой, нештопаной одежде, свежей, незагорелой коже лица. Все эти подмастерья были городскими жителями. Не из тех, что с восьми лет не разгибают спину в поле. Конечно, не аристократы и даже не детишки первых богачей страны, но они определенно знали о голоде меньше, чем те сельские ребята, что провожали нас взглядами больших грустных глаз в последнем поселке.

Миновав лабиринт улочек, мы вышли к небольшому, но опрятному домику в два этажа. Кладка снизу покрылась пушистым мхом, вся конструкция, казалось, угрожающе нависает над улицей. Однако в целом дом производил впечатление надежного строения из тех, что возведены на века.

Вокруг по улице носился, наверное, добрый десяток ярко-рыжих детишек. Они все были разного возраста, но похожи, словно капли росы. Возле ярко-зеленой двери стояла женщина и сосредоточенно чистила картофель в большой чугунный котел, то и дело покрикивая на детей. Достаточно было взглянуть на нее лишь раз, чтобы понять, что хозяйка – южанка самой чистой породы. Причем не с западного юга, где в далеком прошлом народ по большей части смешал свою кровь с крайнийцами. Нет, такими красавицами славится моя родина – юг восточный: Флавис, земли Зельдена, Вальдшнепье. Белая кожа, но не фарфорово – тонкая, а плотная и словно напитанная изнутри светом и теплом. Медные волосы женщины с приятным красноватым отливом были заплетены в толстую косу и перекинуты через шею на манер шарфа. Сама южанка, статная и высокая, казалась олицетворением природных сил. Ее дети – без сомнения, именно ее, – довершали картину.

Мастос подвел нас к хозяйке. Та заметила старика слишком поздно. Мне показалось, что на мгновение в ее глазах мелькнул испуг, но его быстро сменила настороженность. Едва взглянув на Мастоса, она перевела взгляд на меня и Слэйто, словно подбирая слова, но монах ее опередил:

– Никка, дитя мое! Давно не виделись. Позволь представить тебе моих друзей и вновь воспользоваться твоим гостеприимством. Мы направляемся в столицу по учительским делам.

Могло показаться, что последнюю фразу Мастос выделил, понизив голос. Но объяснение совершенно точно обрадовало Никку, она с облегчением вздохнула.

– Не могу же я отказать старику-учителю. Проходите, скоро будет суп. – Сказав так, женщина подхватила котел и скрылась в доме. Мастос посеменил вслед за ней, а мы со Слэйто остались. Похоже, гости у Никки собирались нечасто – дети плотным кольцом окружили нас и с жадностью разглядывали. Один сопливый малыш даже умудрился почти вытащить у меня из ножен меч.

Слэйто присел на корточки и спросил шестилетнего мальчика, чье лицо, словно брызгами, было усеяно крупными веснушками:

– А что же, папа ваш не рассердится, если мы у вас погостим?

Мальчишка облизал сухие губы и улыбнулся, продемонстрировав нехватку нескольких молочных зубов.

– Папа на шаробатках. Папа в штолице. – Малыш явно гордился своим отцом.

Вперед вышла девочка постарше, лет двенадцати. По ней было видно, что она считает себя самой ответственной и умной в этой ораве, маминой правой рукой. Ей, видимо, вменялось присматривать за младшими братишками и сестренками. Она деловито пригладила ладошкой вихры на голове малыша и сообщила:

– Не слушайте Пиррина. Он пока не очень умный. Наш папа не какой-то трудяга на сдельных работах, его пригласили в сам дворец – он мастер-штопарь. Перешивает гобелены, может очень искусно поправить дорогой ковер. Он много чего умеет!

– Какой молодец, – сказал Слэйто, чем вызвал у девчушки теплую улыбку. Впрочем, это могло быть и кокетство. В деревнях Слэйто спросом не пользовался. На вкус селянок он был слишком тощ: разве такой мужчина забьет свинью или нарубит дров так, чтобы хватило на неделю? Зато в городах мой маг притягивал взгляды скучающих барышень. Возможно, они принимали его тонкую кость и бледность за признаки аристократизма. А ведь известно, что никто так не мечтает о графе, как мещанка средней руки.

Вот и сейчас рыженькая девочка вдруг схватила Слэйто за руку и почти сразу же сморщилась. «Почувствовала нечеловеческий холод», – догадалась я. Перетерпев, девочка сжала пальцы и потянула Слэйто в дом. Маг шагал за ней покорно, будто лошадь на поводу.

Я последовала за ними, размышляя, хотел ли Слэйто когда-нибудь детей или боялся их так же, как и я. Сейчас это уже не имело значения, но вопрос сам по себе был любопытным.

В доме между тем готовились к ужину.

Детишки явно знали свои роли: кто-то рвал из большого горшка на окне салат, кто-то расстилал чистую скатерть, другие сновали с тарелками от большого серванта к столу и обратно. Кроме рыжих детей под ногами крутилась парочка толстых котов, все как на подбор такого же солнечного окраса. Посреди этого организованного спектакля возвышалась сама Никка, подобно громогласной богине, раздавая указания.

Пару раз за вечер я замечала неодобрительные взгляды, которыми, словно гребнем, прочесывала меня сверху донизу хозяйка, но причину ее неприязни понять не могла.

Когда на столе уже закончились и ржаные булочки, и картофель, запеченный с сырной корочкой и ягодами бузины, когда от окорока с клюквенным желе на подносе осталась одна подлива, а кисло-сладкий чай из кизила был разлит по разномастным чашкам, потек вялый разговор.

Хозяйка смотрела на своего бывшего учителя словно бы с недоверием, а меня почти в открытую не замечала. Слэйто начал показывать детишкам, как сплести паутинку из ниток и бусин, и вовсе выпал из беседы.

– Заметила, как много крайнийцев на улице? – обратился Мастос к Никке. – Что слышно из столицы? Не тревожит ли это новоиспеченную королеву?

Женщина покачала головой.

– Говорят только, что разные княжества Края пришли на поклон к новому монарху Королевства. У них ведь по-прежнему нет единого правителя. Вот каждый мелкий князек и решил задаривать старуху, чтобы она потом продавливала его интересы на родине.

– А они тут бойню не устроят? Все-таки соперники.

– Вряд ли. – Никка тяжело поднялась и начала собирать посуду. – Они на чужой земле. Да и, говорят, один из генералов Крианны – крайниец. Думаю, эта свора скорее идет поглазеть на него.

Я скрипнула зубами, но, похоже, Никка этого не заметила. Неожиданно на подоконник широкого и низкого окна с улицы запрыгнул еще один кот. Он был толще прочих, выражение морды хранило диковатое выражение. К тому же кот был ранен: одно ухо порвано, а на щеках глубокие царапины.

– Кьюз! – воскликнула Никка и метнулась к окну. Животное тоже двинулось ей навстречу, подволакивая лапу. – Я уж и не ждала тебя живым!

Мастос подошел к коту и потрепал его по холке, но тот на каком-то интуитивном уровне перенял от хозяйки неприязнь к монаху, зашипел и замахнулся когтистой лапой. Старик едва успел убрать ладонь.

– Ну, тише, тише. Сильно тебя подрали, дружище. Это где же его так?

– В Ярвелле, – чуть слышно сказала Никка. – Простите, мне надо залечить его раны.

Она подхватила огромного кота в охапку, словно пушинку. До чего же складно смотрелась вместе эта парочка: огромная рыжеволосая женщина и такой же огненный кот-великан! Перекинув его через плечо, Никка скрылась на втором этаже.

Я не подала виду, но меня смутило, что кот далековато загулял. Прогулка между городами – это вам не шутки.

Мастос уже зевал, да и Слэйто явно вымотался. Он негромко рассказывал что-то двум парнишкам Никки. Те слушали с открытыми ртами, но под его плавный рассказ моргали все медленней. Я же тихонько выскользнула из дома в душную ночь – решила немного пройтись, а на обратном пути поймать Никку и расспросить хорошенько. Не то чтобы меня смущала людская неприязнь, но было бы нелишним узнать, за что меня так откровенно презирают.

Многие мастерские не закрывались даже на ночь. Усталые, с покрасневшими глазами подмастерья подкидывали уголь в огромные домны. Жужжали невидимые прялки. При свете слабой лучины немолодая женщина вышивала бисером подол дорогого платья. Проходя мимо нее, я вдруг вспомнила рассказы бабули. Якобы моя тетка так искусно шила, что могла за ночь вышить на корсете дракона, настолько похожего на настоящего, что к утру он улетал. Это, конечно,

были старушечьи байки, но я видела пару платков, которые остались в наследство от тетушки, – работа и впрямь выглядела изумительно. Да и мама частенько говорила, что, не опозорь ее сестрица семью, ту отправили бы учиться на придворную вышивальщицу. Интересно, хватило бы моим родным денег на оплату обучения в Вурусте?

Когда я подошла к дому Никки, меня поджидал сюрприз. Искать хозяйку в доме не пришлось – она сидела снаружи и стирала какие-то детские вещички в огромном корыте. Рядом на влажной скамье лежал огромный кусок щелочного мыла, и прачка его не жалела – мыльная пена под ее усердными руками сбилась в плотную шапку. Никка заметила меня, но поспешно отвела взгляд. Впрочем, я уже присмотрела для себя старую колоду возле скамьи.

– Не против, если я присяду? – поинтересовалась я больше для успокоения совести – все равно бы села.

– А, леди-рыцарь, – тихо произнесла Никка. – Чего это вам тут понадобилось посреди ночи? Я таких, как вы, знаю, вы стиркой исподнего не занимаетесь.

Отступать было поздно – хозяйка вознамерилась затеять ссору. Я не собиралась ей потакать, поэтому миролюбиво спросила:

– Вы «таких, как я, знаете»? А я-то думала, нас на все Королевство двое: я и генерал Секира в Ярвелле.

– Как бы не так! – вскинулась хозяйка, еще усерднее взбивая мыльную пену. Ее руки ходили, словно поршни, казалось, еще чуть-чуть, и она разорвет те тряпки, что стирала, на клочки. – Сейчас в какой легион ни сунься – везде леди-рыцари. Это... модно! – Последнее слово прозвучало как плевок.

Новость искренне меня удивила. Оказывается, пока мы со Слэйто и Аэле галопом спешили в Волчий сад, положение женщин в армии менялось.

– Да ну? И неужели все они – такие мастерицы боя?

– Потаскухи они, вот кто! – Выкрикнув это, Никка внезапно испугалась и взглянула на темные окна: не разбудила ли детей. И продолжила злым

шепотом: – Мастерицы кроить себе доспехи, не скрывающие зад, да искусно мазать морды румянами. Я уверена, что половина этих «рыцарей» набиралась из борделей. Но кто скажет им слово против? Мужики язык на плечо закинули и плетутся за ними, как привязанные.

Я взглянула на нашу хозяйку искоса.

– Так вот, значит, в чем дело?

Она с силой опустила руки в мыльный раствор и принялась разглядывать сквозь пену свои длинные тонкие пальцы.

– А чего скрывать? Слышала я, как Пиррин сказал вам: «Папа зарабатывает». Нет, дорогуша, папа не пашет, как вол, в Ярвелле. Папа в легионе Алых Маков обхаживает их Сапфирчик. Так эти новоявленные леди-рыцари себя называют: Изумрудик, Рубинчик, Топазик. Совсем как в притонах.

Я кивнула. Жрицы любви частенько брали вместо имени красивый псевдоним, и чем больше блеска, тем лучше – драгоценные камни были вполне в их духе. Никка успокоилась и замолчала, поэтому я все-таки решилась на вопрос:

– Неужели твой муж бросил тебя с детьми и укатил в легион? Ну он и мерзавец!

Никка рассерженно швырнула тряпки в воду, да так, что окатила меня мутной пеной. Затем уперла натруженные руки в бока.

– Если бы! Нет, он явился ко мне на порог и заявил: «Не изменял и не буду! Но душой не люблю больше. Детей не брошу, тебя не брошу, но врать не могу. Люблю Сапфир, поэтому считаю себя предателем твоей любви и твоего доверия. Как скажешь – так и поступлю».

– А ты?

– А что я... Орала, бесилась, кричала ему: «Хоть вешайся! Хоть удавись!». Так ведь он, дурень, даже веревку побежал искать. – Эти слова Никка произнесла с некоторой нежностью. – Потом остыла и наказала возвращаться в легион и предложить Сапфирчику свою любовь. Коли примет, пусть вместе жизнь строят

– кто я такая, чтобы им мешать? А коли нет – я и все дети тут его ждем. И простим. Прощу.

Деньгами он нас не обидел, и сейчас еще высылает. К тому же свои нас не бросят... – Никка сказала это и осеклась. – Свои – в смысле родня. Но я вот, знаешь, нет-нет, да и мечтаю, чтобы эта Сапфирчик нашла себе ухажера побогаче и помоложе, бросила моего увальня, а он бы вернулся. Представляю, как корить его буду, как все припомню. А потом обниму крепко-крепко...

Она уставилась на меня невидящим взглядом, словно вспоминая сцену прощания с мужем. А я поразились тому, насколько мудры бывают женщины Королевства и как великодушны. Куда там богине Элее в вопросах любви до такой вот простоволосой Никки с руками в мыльной пене?

– А все равно урод он редкостный, твой муженек, – сказала я то, что она хотела услышать. Это было правилом негласного женского кодекса солидарности.

– Урод, – тихо согласилась Никка и подняла на меня взгляд. – А ты ничего так. Не противная. Не красишься, как потаскушка, мужиков не цепляешь и, похоже, в самом деле умеешь мечом махать. – Она указала на корундовый клинок в ножнах, которые я сняла и прислонила к стене.

– По части мужчин – это не ко мне, – уныло согласилась я. – То ли мама чего важного в детстве не объяснила, то ли просто удачи нет.

Никка хитро улыбнулась и кивнула на дом.

– Ты из-за него, что ли, переживаешь? Брось. Со стороны видно, как он в тебя влюблен, аж дышать боится.

– О боги, я очень надеюсь, что ты сейчас не про Мастоса!

Мы расхохотались, но, спохватившись, начали зажимать ладонями рты, чтобы не разбудить детей. Когда мы успокоились, я спросила Никку, надеюсь, что мой голос не выдает сильного волнения:

– Ты правда думаешь, что Слэйто что-то чувствует? Ну, ты понимаешь... Ко мне?

– Конечно. Стоит тебе отвернуться, так и сверлит взглядом. Равнодушный так себя не ведет. Может, цену себе набивает, а может, какую чушь в голову себе вколотил. Поговорить вам надо.

– Некогда мне с его заморочками разбираться, – мрачно вздохнула я. – Вот закончим в Ярвелле, и тогда...

Даже себе я не могла сознаться, что не хочу заводить разговор совершенно по другой причине. Задав вопрос, ты наверняка получишь ответ. Какие у меня шансы, что он мне понравится?

Вдруг Никка наклонилась почти к самому моему уху и сжала мокрыми пальцами плечо.

– Я сейчас тебе кое-что скажу, а потом пойду спать. И ты меня больше ни о чем не спрашивай и завтра об этом не заговаривай. Мне за такое грозят неприятности, но...

Она беспокойно огляделась, а затем прошептала:

– Мастос совсем не тот, за кого себя выдает. Не доверяй ему.

Никка поднялась и быстро скрылась в доме, оставив меня гадать, с кем же я бок о бок иду в столицу.

* * *

Мы выдвинулись в столицу на рассвете. Я не спала всю предыдущую ночь. Разговор с Никкой не шел у меня из головы. Мало того, что мы направлялись туда, где нас поджидали крайне опасные противники, так и в моем маленьком отряде затаилось неведомое зло. Я, конечно, всегда была излишне подозрительной, и за последние годы это качество только усилилось. Вот только Слэйто не верил Мастосу с самого начала, поэтому списать все исключительно на мои страхи не выходило.

Мы миновали лес. Деревья расступились, и теперь впереди, насколько хватало глаз, расстилались лоскутными покрывалами поля: засыпанные солью,

выжженные дотла, истоптанные конницей. Здесь ничего не будет расти еще долгие годы. Земля не родит урожая, люди не смогут прокормить себя. И потянутся с востока обоз за обозом: мука, сливы, картофель – пропитание для целого региона, вот только надолго ли его хватит? На год? Два? Десяток лет?.. Я вздохнула и только тогда заметила, что все это время Мастос вел со мной оживленную беседу.

– Волки очень преданные животные. Вы, может, и не слышали, но, однажды образовав союз, самец уже никогда не оставит самку, – нудел старик. – Это в их природе – любовь до скончания жизни. Они охраняют семью и не позволяют пришлым чужакам ее разрушать. Что примечательно, и волчицы хранят верность своему избраннику до самой смерти. Даже после гибели спутника волчица не будет искать ему замену.

– Очень увлекательно, – сказала я кисло. Своей болтовней монах словно пытался сделать наше со Слэйто молчание менее угнетающим. Сегодня он трепался больше обычного, а я, когда не отвлекалась на выжженные поля, пыталась выловить из его рассказов хоть малую крупицу правды о том, кем Мастос являлся на самом деле.

– У лисиц же история иная. Обычно это довольно верные животные. Но в случае гибели лиса его верная спутница быстро находит замену из числа наиболее сильных и молодых самцов. А иногда папаши-лисы и вовсе растят чужих щенков...

– Может, хватит? – обиделась я за честь своих тезок. – Тебя послушать, так лисицы какие-то жеманные кокетки, а волки – пример для подражания.

Монах успокаивающе вскинул ладони: мол, сдаюсь. Но меня было трудно провести. Мастос неспроста завел свою историю про волков и лисиц. Хотел ли он поддеть меня?

– Я просто пытаюсь тебя подбодрить, дитя. Вся моя жизнь – это подборка старых историй из запыленных книг, ведь я учитель. По-иному развлекать не умею, – покаянно протянул Мастос и истрепанным рукавом протер мундштук своей новой, вновь-не-слишком-симпатичной трубки. Ей было, наверное, не меньше лет, чем самому монаху, и вся ее поверхность была изрезана, исплевана, исколота и загажена. Но Мастос с самого начала трепетно относился к своему

сокровищу.

А чего стоил запасной кисет, который завел старый учитель? В первом хранился мятный табак. Во второй монах прятал искуренные остатки самокруток, на которые перешел, когда потерял свою старую трубку в одном из ночных переходов. Сказать по правде, не то чтобы потерял. Насколько я знаю, ее зарыл где-то Слэйто. Как наркомана со стажем, его безумно раздражали привычки других зависимых людей. Сначала он долго жаловался, что мятный дым разжижает его мозги, потом предпринял диверсию, закопав трубку. Мастос повздыхал и перешел на самокрутки. И каждый измятый узловатыми пальцами окурочек теперь уходил в запасной кисет. В Вурусте у кого-то из подмастерьев Мастос приобрел себе трубку взамен старой. Я даже немного порадовалась, заметив, какая буря страстей запылала в глазах Слэйто, когда он увидел нового «уродца». Все-таки на какие-то переживания маг был еще способен.

Сейчас Слэйто сильно обогнал нас, чтобы спастись то ли от унылых разговоров и мятного дыма, то ли от меня. Я с тоской взглянула ему вслед.

– Ваш разлад тревожит меня, Лис. Нам понадобятся все силы, чтобы осуществить задуманное. А Слэйто, он словно... Словно напуган, как маленький капризный ребенок. Он испытывает твоё терпение. И если оно не так крепко, как я надеюсь, быть беде, – заметил Мастос.

– Просто старайся не встречать, – чуть грубее, чем следовало, ответила я. Отеческая забота Мастоса была мне в тягость. Имеющиеся у меня подозрения делали любое проявление нежности наигранным. Да и мой настоящий отец был скуп на сантименты, и теперь я воспринимала подобное покровительство как вторжение в свою личную жизнь. – Я разберусь. Со всеми. Со Слэйто, с Атосом, с Алайлой. Мне хватит сил.

Ох, я врала старику. Легко бороться со злом, чье лицо тебе неведомо. Легко побеждать злодеев, о чьих ужасных делах ты знаешь не понаслышке. Но не дрогнет ли рука, когда доведется занести меч над братом?

В прошлом мне уже пришлось убить друга. Капитан легиона Алой Розы Кэрк, чей меч я носила с собой, был одержим проклятым ключом. Он перебил половину отряда, и я должна была его остановить. Легко ли мне жилось с этим воспоминанием? Должна признать, что легче, чем следовало. Боль почти

стерлась из памяти, и, ради богов, будем честны: кем был Кэрк в моей жизни? Ролевая модель, отличный собеседник, просто хороший парень, луч света во тьме нашего легиона. Он во многом помог мне, и именно благодаря ему я находилась там, где была сейчас. Но... Это ужасное «но». Убить Кэрка, свалить все на проклятый артефакт и Алайлу и в попытке отомстить снять с себя всю ответственность. Это было легче, чем просто легко.

«Попробуй убить Атоса», – прошептал внутренний голос. Взглянуть в глаза своему наставнику. Убедиться, что любовь к проклятой леди Алайле в нем сильнее голоса разума. Попробуй убить не просто друга, а брата или даже кого-то более родного.

– Ора-ва-дэш! – выругалась я так громко, что Мастос сбоку испуганно дернулся. Его знаний заокраинского должно было хватить, чтобы перевести эту немудреную брань. Смысл сказанного дошел до него не сразу, но, как только фраза уложилась в голове, кончики ушей монаха моментально порозовели.

Забавно, но стоило выругаться, как перед нами, будто по волшебству, за очередным полем выросли серые зубцы крепостной стены Ярвелла.

Меня всегда удивляла любовь людей к большим городам. За всю свою жизнь я, конечно, побывала не во всех. Пожалуй, лишь Ларосс и Штольц могли называться настоящими большими городами, да и Вуруста тоже. Я никогда не считала себя селянкой, но и горожанкой прослыть не довелось. Не уверена, есть ли такая фраза, но как особенное явление «житель замка» определенно существует.

И вот я наконец-то увидела великолепную столицу нашего Королевства – Ярвелл. Город городов, жемчужина страны, исконная столица, где испокон веков находится престол наших монархов. Мне так часто и так красочно описывали Ярвелл, что я уже приготовилась зажмуриться, чтобы не ослепнуть от его сияния. Но, как и со всеми большими городами в моей жизни, меня вновь ждало разочарование.

Одинаковые дома тянулись, сколько хватало глаз. Высокие, заслоняющие собой небо, а иногда и смыкающиеся над головой безобразными арками. Все строения были возведены из желтого крошащегося кирпича. То тут, то там он осыпался целыми блоками, оголяя деревянные скелеты домов. Лошади копытами

разминали выпавшие обломки, и все дороги, что ветвились подобно змеям, были покрыты желтой дурно пахнущей пылью. Окна здесь распахивались настежь, и душная вонь улиц смешивалась с чадом помещений, где готовили пищу или то, что местные за нее принимали. Открытые створки находились на уровне глаз, и даже если ты не хотел, то поневоле становился свидетелем быта жителей Ярвелла. Быта бедного и убогого, но непохожего на нищету, в которой прозябала деревня.

Я вспомнила небольшой домик Фила – сколько усердия было вложено в то, чтобы окружить себя недорогими, но красивыми и милыми сердцу вещицами! А то, что я видела в распахнутых окнах Ярвелла, больше напоминало свалку. Поломанная мебель, гниющие доски стен, обозленные и мрачные люди, живущие в этой угнетающей обстановке. У многих вместо кроватей вдоль стен валялись тюфяки, на которых ютились дети. В паре домов посреди комнат были сооружены очаги, на растопку которых шла, судя по всему, мебель. Резные ножки стульев, дверцы этажерок – все это кучей дров было навалено возле угольев, огороженных от остальной обстановки теми же желтыми кирпичами.

Пока мы шли по дороге ко дворцу, мне вслед то и дело несло: «Чего уставилась?!», «Ступай куда шла» или просто бессмысленное «У-у-у!». Весь город был пропитан злобой, грязью и ненавистью.

– Мастос, скажи, что мы сейчас в самом нищем квартале и такой ад творится не повсюду, – нервно попросила я монаха, отскочив от очередной порции помоев, которые одна из жительниц верхних этажей решила вылить прямо нам на головы.

Монах почесал бороду и ответил:

– Конечно, в Ярвелле есть квартал знати, но то, что ты видишь здесь, Лис, скорее обыденность, нежели исключение. Все эти люди живут очень бедно, а отсутствие денег вынуждает их быть злыми и вечно недовольными. Попробуй повеселись, когда желудок пуст, а одежда истрепалась в лохмотья. Жители Ярвелла, как это ни странно, стали самыми пострадавшими заложниками этой войны – хотя за все ее время столицу ни разу не разграбили.

– Они оказались в изоляции, верно? – Слэйто вслух подтвердил догадку, пришедшую на ум и мне. В последние дни маг выглядел собранным, и то, что он

принял участие в разговоре, я восприняла как чудо.

– Да, жители столицы никогда не выращивали хлеб, не ткали, не занимались работой по металлу или дереву. Все, что они умели, – это держать в руках вожжи и подгонять трудяг из других городов Королевства. Пройдитесь по улицам, и вы не найдете ни одного мастера. Зато наверняка повстречаете пару крюкотворцев, десяток ростовщиков да с полдюжины писарей. У них бывали сытые времена, когда неграмотные крестьяне сгоняли свои отары к воротам Ярвелла. Но как только старый король умер, цениться начали те, кто мог выковать меч, вырастить зерно или выучить солдата. А таких в столице почти не было.

Мастос ухмыльнулся и посмотрел на спешащих мимо прохожих. Только сейчас, прекратив разглядывать обстановку домов через открытые окна, я обратила внимание на то, что горожане были не просто грязны и неухожены. Они были измождены. Более тощие, чем селяне, с ввалившимися глазницами и строго поджатыми растрескавшимися губами. То, с каким наслаждением и издевкой смотрел на жителей Ярвелла Мастос, было мне неприятно.

– Ярвелл не грабили, ведь здесь с короной на подушке сидел Совет мудрецов. Да и кто из претендентов на престол не видел себя в роли короля? Зачем же рушить свою будущую столицу, зачем воровать у себя самого? – продолжил старик. – Проблема была в том, что грабили и жгли другие земли. Поначалу каждый житель Ярвелла довольно потирал руки: меня обошла беда, пусть глупая деревенщина страдает, а я отсижусь тут за крепкими стенами. Но радость длилась недолго, ведь скоро каждому региону пришлось выживать самостоятельно. Никто уже не думал о барышах, которые можно получить, снабдив столицу едой, – самим бы не пропасть. Припасы, ткани, скот – все уходило в ненасытные легионы. Люди редко задумываются, насколько прожорливое чудовище война. Она пожирает не только пищу и кров, она ест людей, съедает целые поколения. А после подбирает души выживших, оставляя лишь пустую внешнюю оболочку.

Старик вздохнул. Где-то неподалеку зазвучала громкая перебранка. Женский визг оборвал смачный удар. Я поежилась.

– Жителей Ярвелла бросили без средств к пропитанию и существованию. Закрыли, будто банку с пауками, и предоставили самим себе. То, что ты видишь сейчас, – это уже жизнь. Пару месяцев назад было намного хуже. Но горожане

оживают. Все еще озлоблены, но уже не изолированы. Правда... – Мастос запнулся, проследив взглядом за вихрастым мальчишкой, который нес на плече пару голубей со свернутыми шеями. – То, что породила в жителях Ярвелла война, не исчезнет в одночасье. Старуха Крианна не вылечит это хлебом. Нынешние дети и дети их детей – все они будут помнить голод и страх. И ненависть, конечно.

Старик замолчал и отстал. Мы со Слэйто прошли вперед. Справа от нас распахнулась дверь, судя по вывеске, ведущая в кабак «Тромбон и гусь». На улицу вышвырнули человека – тот рухнул прямо в коричневую лужу, попытался встать, но не смог, да там, среди нечистот, и затих.

Я хотела пройти мимо. Время, как всегда, утекало сквозь пальцы, а ведь нам еще предстояло придумать, как попасть во дворец. Но, скользнув взглядом по грязной шевелюре старика, лежавшего лицом вниз, я остановилась. Меня передернуло: крайниец – старый, запаршивевший и, похоже, вшивый. Чувство некоего родственного долга толкало меня помочь старику, но брезгливость мешала к нему прикоснуться. Так я и стояла, раздираемая противоречивыми чувствами и мучимая стыдом за них.

Тем временем на крыльцо вышел кабатчик. Такого никогда не спутаешь с завсегдаем или простым слугой. Пожелтевший от времени фартук, чей карман оттягивают монеты, тряпка для протирания стойки, от одного вида которой тошнота подкатывает к горлу, надменный вид, словно все вокруг – случайные посетители его кабака, а он король и бог этого мира. Черные с солью бакенбарды так густо росли по обе стороны его лица, что больше напоминали двух мертвых зверьков, прилипших к обвислым щекам.

Мужчина смерил меня взглядом и усмехнулся. Я все еще стояла в растерянности, в то время как Слэйто склонился над стариком и пытался привести его в чувство. Мастос задержался на другом конце улицы и не спешил подходить к нам, заинтересованный какой-то вывеской.

– Готова поспорить, будь у этого человека кожа светлее, а волосы не пепельными, а черными, как у тебя, ты бы не посмел вышвыривать его, будто собаку, – процедила я сквозь зубы.

Кабатчик удивленно вскинул черные густые брови.

– А маленькая госпожа-рыцарь считает, что у крайнийцев в Ярвелле особые привилегии? В «Тромбоне» мы вышвыриваем за порог и белых, и черных. Ха, да я бы самого Войю вышвырнул, если бы он решился лапать моих девочек! – Кабатчик сплюнул темную от жевательного табака слюну на мостовую и посмотрел на меня, впрочем, как мне показалось, без особого злорадства.

Между тем Слэйто не то чтобы поднял, а скорее выволок старика из лужи и теперь тщательно обтирал испачканные руки о стену. Решив, видимо, что желтая пыль лучше коричневой грязи.

– Думаю, я должна сказать «извините», – неловко заговорила я.

Кабатчик махнул огромной ладонью.

– У нас тут много тех, кто подсыплет тебе яду, если твоя кожа не того цвета или твой костюм... – Он многозначительно указал пальцем на мой фаранк. – ...чересчур вызывающий. Но не я, госпожа. Если слишком тщательно выбирать клиентов – тот пойдет, а этот не очень – рискуешь остаться не у дел. Но крайнийцев в последние дни много, это правда. И, как среди всякого племени, среди них полно сорного семени.

Последнюю фразу кабатчик произнес в рифму и сам рассмеялся тому, как ловко это вышло. Я вопросительно на него взглянула. Первое впечатление прошло, мужчина уже не казался мне ни надменным, ни противным – нет, он начал вызывать симпатию.

– Новая королева – новые правила для всех, госпожа. Крайнийцы едут договариваться с Крианной, да только притащившись в Ярвелл многие ведут себя совсем не как гордые дети степей. Наши женщины кажутся им доступнее своих, а наше вино бьет в голову сильнее крайнийской отравы.

– Кас-кас, – мечтательно проговорила я. – Сто лет не пила настоящего кас-каса. Удивительно, что настолько крепкий напиток так легко ложится на язык и так нежно кружит голову.

Кабатчик набычился.

– Кас-кас ваш – пойло для мулов! Впрочем, пусть лучше бы хлебали его. От нашей браги крайнийцы совсем дуреют. Насильничают девок, бьют стекла. Мне всегда было плевать на все эти расовые предрассудки. – Хозяин кабака примолк, пропуская забулдыгу, который вывалился из дверей заведения и нетвердой походкой направился вдоль улицы. Затем продолжил: – Но скажи на милость, госпожа, почему я должен спускаться кому-то подлость только из-за цвета его кожи?

Я с усмешкой кивнула на Мастоса, который все еще торчал где-то за пределами видимости кабатчика.

– Я знаю отличных крайнийцев.

– А я знаю омерзительных жителей Королевства, чья кожа белее снега. Так вот, насильник, что белый, что черный, заслуживает одного обращения. – И кабатчик сжал ладонь в кулак, который был размером с мою голову, не меньше.

Я попыталась сдержать улыбку, но не смогла. Потом кивнула черноволосому мужчине и произнесла:

– Ну что ж, добрый господин, буду иметь в виду, что если захочу выпить в самом терпимом к иноземцам кабаке Ярвелла, то мне надо в «Тромбон и гусь». Тут я получу все, чего заслуживаю, и неважно, что на мне надето. – Я развернулась, и мы со Слэйто продолжили свой путь, надеясь, что Мастос нас все же догонит.

– Хорошеньким девушкам у нас вино отпускают дешевле! – прокричал мне в спину кабатчик.

* * *

Впереди уже виднелась высокая крепостная стена замка Ярвелла. Ветер трепал потертый флаг с геральдическими лилиями, двумя розами и двумя перекрещенными мечами, символизировавшими королевскую линию всей нашей многострадальной страны. Королевство и само напоминало этот флаг: выцветший, местами истертый до дыр, но гордо реющий на ветру.

Мастос не стал задерживаться у кабака, он пошел в обход и сильно обогнал нас, а теперь стоял и любовался замком. Я неслышно подошла к Слэйто и положила руку ему на плечо. Маг вздрогнул и печально мне улыбнулся.

- Боишься? – спросила я.

- Разве там, за стенами, нас ждет кто-то страшнее Поглощающего или богини? – В тон мне шутливо ответил Слэйто, но я почувствовала, как по его спине волной прошла дрожь.

- Может, и страшнее. Там меня ждет мое прошлое.

- И наше будущее, – добавил подошедший Мастос. – Но ждет оно, увы, вас, а не меня.

Я с удивлением посмотрела на старика. Ветер трепал полы его монашеского одеяния. Мастос был так худ, что, казалось, каждый новый порыв грозит сбить его с ног.

Но сейчас в глазах монаха светилась какая-то незримая сила, мощь, он больше напоминал воителя, чем беспомощного старца.

- Лис, не удивляйся. Ты же еще до Волчьего сада таила подозрения. И раз за разом они наполняли чашу твоего терпения, да так, что рано или поздно хлынуло бы через край...

- Что ты...

Но старик прервал меня властным движением руки. Слэйто почти незаметно вышел чуть вперед, встал вполборота к Мастосу, словно нас разделяя. Этот жест покровительства и защиты с его стороны меня разозлил. Между тем старик продолжал:

- Я часть твоей истории, милая. Я был задолго до и буду после. Мы еще встретимся, но больше не увидимся.

– Ты несешь чушь, – сказала я, чеканя каждое слово, – и пугаешь меня. Я не понимаю ничего из сказанного тобой.

Мастос улыбнулся и сделал шаг вперед, попутно доставая что-то из кармана. Слэйто резко вскинул руку, воздух вокруг заискрился и наполнился магией, но старик всего лишь протянул клочок бумажки. Я опередила мага и схватила белый квадратик первой. На нем торопливым, но удивительно изящным почерком было выведено в столбец несколько коротких слов.

– Изначально имена были написаны не моей рукой, – сказал Мастос и попятился. – Пришлось переписать, столько лет ведь прошло.

Я наконец оттолкнула Слэйто и шагнула навстречу старику, помахав бумажкой у него перед носом.

– Что именно я узнаю? Что мне с этим делать?

– Я врал тебе, Лис. Я совсем не тот, за кого себя выдаю. Но я знаю о том, что происходит, не больше твоего. – Монах, или кем бы он ни был, вздохнул, словно пытаюсь собрать воедино мысли. – Я сделал, что должно, – то, о чем меня просили. Но на этом моя миссия не закончена. Я буду присылать тебе письма. Про них.

Старик узловатым пальцем указал на бумажку. Я чертыхнулась. Происходило нечто абсурдное, и было это крайне не вовремя. Все мои мысли сейчас занимало то, что таилось за стенами крепости Ярвелла: моя грядущая встреча с Атосом и Алайлой. Для своего безумия Мастос избрал самый неудачный момент.

– Хорошо, – медленно, словно беседуя со скорбным духом, произнесла я. – На листке имена, и сейчас ты собираешься уйти, чтобы потом слать мне письма про этих людей. Так? Почему же ты не можешь рассказать о них прямо сейчас? Или отдать написанное тобой?

– А ты все еще не поняла, милая? – Мастос тревожно заозирался. – Мы ведь не одни с тобой играем в эту игру. Я долгие годы собирал эти истории, но если бы все они хранились у меня... – Старик нервно засмеялся. – То они могли бы убить меня и сжечь все мои труды. Тогда все эти знания не дошли бы до тебя и не спасли бы Королевство.

– Что еще за «они»? – не выдержал Слэйто.

– Они. Проклятый народ. Дети короля-медведя. Те, кого вы зовете зверолоудьми.

– Так какого же Войи ты молчал, если знаешь о них и у тебя есть что-то, что поможет с ними бороться? – сквозь зубы прошипела я. Пойми я раньше, что Мастосу известно о монстрах, – давно бы отправила его к Гардио или Извель. Куда угодно, лишь бы подальше от себя.

– Потому что вся жизнь – это бусины, – просто, словно прописную истину, произнес старик.

Я растерялась. Рука против воли метнулась к груди, туда, где раньше в броню были вплавлены бусины Карамина. Бусин не было, как и самой брони, но их образ продолжал меня преследовать.

– Нельзя перескочить с первой бусины к последней, Лис. Все в мире подчинено порядку, и тот, кто решится его нарушить, рискует разорвать нить и рассыпать бусины жизни так, что никто уж и не соберет. – Старик нервно сглотнул. – Пока тебе следует помнить одно. Тот листок, что ты держишь в руках, – ключ к победе. И вот еще что.

Старик закатал рукав робы и показал запястье. На дряблой, покрытой пигментными пятнами коже неявно проступала татуировка: какая-то хищная птица, расправившая крылья. Со временем синие чернила выцвели, и то, что раньше представляло четкий рисунок, сейчас можно было угадать лишь по контурам.

Я подняла взгляд на лицо старика. Он был так серьезен, так сосредоточен, что я рассмеялась.

– Храни тебя все боги, Мастос. Милая татуировка, не знаю, что еще сказать.

– Это знак и маяк, он просил показать его тебе, – упрямо произнес старик.

Раскатав рукав, он вдруг резко развернулся и пошел прочь – от замка и от нас.

– Думаешь, нам следует задержать его? – спросил Слэйто. Было видно, что от всего увиденного ему не по себе.

– Какой в этом толк? Дед спятил, чем он нам поможет там? – Я кивнула на крепостную стену.

– А вдруг он правда знал что-то про звероловцев? Может...

– Нет, – резко прервала я мага. – Сначала Алайла, все остальное потом. Если я начну думать обо всем сразу, у меня взорвется голова.

Маг кивнул.

Мастос уже скрылся из виду, и мне вдруг стало горько от мысли, что больше я его не увижу. Последние недели я изводила монаха, срывала на нем злость за то, что наши со Слэйто отношения рассыпались в прах. Возможно, именно мои придирки и плохое настроение окончательно свели его с ума?

Я бегло прочитала имена на листке: Роуэн, Ос Эстос, Леди Удача... Нет. Ничего. Я не знала людей с такими именами, даже не слышала о них никогда. Разве что последнее в списке: Ирэне. Популярное южное имя. В моем замке так звали трех служанок. Как этот список мог на что-то повлиять? Справа на листке, напротив перечня, была схематично изображена башня с голубкой, но не было ясно, относится она к какому-то из имен или ко всему списку в целом.

– Ну уж нет! – сказала я так громко, что Слэйто подпрыгнул и воззрился на меня с удивлением.

– Нет, – повторила я чуть тише. – Мы идем в замок. Все остальное подождет.

– И как ты намерена туда попасть? – поинтересовался он. – Стены выглядят неприступными.

– Зачем нам лезть на стены, когда ворота открыты? – удивилась я, указывая на опущенный подвесной мост надо рвом, который опоясывал замок. – Странные вы, мужчины, существа. Если битва, так до смерти. Если стены, так штурмовать. Если девушка, то только неприступная. А если леди не против, то вам и не

интересно, – не без горького сарказма заметила я.

– Просто... – стушевался Слэйто. – Ну зайдём мы в главные ворота, а вдруг там армия? И что будем делать? У меня есть силы, но против даже двух десятков подготовленных и ожидающих боя людей один я не продержусь.

– Как будто если мы полезем на стену, армии гарантированно не будет, – усмехнулась я. – Это не та миссия, в которой у нас есть шансы, Слэйто. Тут либо пан, либо пропал. Я попытаюсь вновь вызвать Алайлу на честный бой. Один раз я ее победила, думаю, что смогу сделать это снова. Если только она не откажется.

– А что же Атос? – тихо произнес Слэйто, смотря себе под ноги.

– А Атоса я убить не смогу, – честно призналась я, – и тебе не позволю. Поэтому давай надеяться, что Алайлу мы повстречаем первой.

Мы двинулись к воротам замка. Поднятая тяжелая решетка напоминала частокол острых зубов, придавая проходу сходство с голодной ощерившейся пастью. Мне предстояло встретиться со своим прошлым, и я была рада, что иду не одна. Не глядя на Слэйто и почти без надежды я попыталась нащупать его ладонь. Удивительно, но он поймал мою кисть и легонько сжал ее. Страх отступил.

Имя второе: Кремень

Никаких стражников, охраняющих королевские ворота, – это первое, что я отметила. Затем то, что мы были не единственными, кто вошел в крепость. Праздные гуляки, несколько мечников, булочница с корзиной свежеспеченного хлеба. Замок, в котором сейчас находилась самая могущественная женщина Королевства, возвышался на расстоянии пары десятков шагов – и полное отсутствие охраны?

– Теперь ясно, – произнес Слэйто и указал на пару солдат в белых с зеленым кантом плащах. – Они набирают рекрутов, поэтому вход свободен. Удачно мы зашли, Лис. Хорошо бы везение продолжилось.

И вправду: легионеры Белого Чертополоха, одетые в форму своих цветов, расспрашивали о чем-то двух мечников, которые вошли чуть раньше нас. Один из солдат даже старательно записывал что-то, умудряясь держать и свиток, и перо с чернильницей на весу.

– Давай притворимся рекрутами, – тихо предложила я Слэйто. – Наверняка за отбраковкой солдат следит командование. Лучшего шанса может и не быть.

Маг неопределенно кивнул, стараясь на меня не смотреть. Вот проклятье! Глаза его опять были красными. Когда он успел принять элеевых слез? Наркотик, который простым смертным дарил уверенность в своем всемогуществе и быструю кончину, наделял мага невероятной силой. Конечно, Слэйто готовился к встрече с Алайлой и Атосом, но я была почти восхищена его талантом принимать дозу настолько незаметно.

Между тем мечники отошли от солдат и скрылись за каменной аркой где-то в глубине двора. Слэйто воспользовался этим и приблизился к легионерам.

– Мы слышали, у вас идет набор, – дружелюбно сказал он. – Хотели с подружкой попробовать свои силы на службе новой... Простите, истинной королеве.

Солдаты переглянулись. Слэйто не производил впечатления грозного вояки.

– Мы ищем местных жителей для охраны дворца, приятель, – сказал легионер помоложе. – Стараемся дать работу жителям Ярвелла. А вы похожи на пришлых. И, прости, конечно, но слабо верится, что сабля твоя... – он указал на перевязь Слэйто, – для боя, а не просто для красоты.

Я уже давно перестала врать себе насчет собственной скромности – во мне всегда прятался демон публичности. Я была показушницей в худшем значении этого слова. То, как я перескочила через Атоса во время нашей первой битвы... Все эти драматичные и театральные жесты... а если копнуть еще глубже, то вся история моих злоключений началась с того, что я решила продемонстрировать свое мастерство владения мечом одному юному лорду. Но жизнь преподает уроки только внимательным ученикам, а я была прогульщицей.

Поэтому в один короткий миг я выхватила меч с перевязи, другой рукой выдернула из ножен кинжал и резким движением рассекла кожаные ремни,

удерживающие оружие солдат. Не успели тяжелые ножны упасть на землю, как оба клинка уперлись в горла легионеров.

– Вашей королеве нужны писари и крючкотворцы или настоящая охрана? – спросила я. Парни хватали ртом воздух. Тот, что был пошустрее, ощупывал рукой пустоту на месте своего меча. – Потому что если вы ищете лучших мечников Королевства, то они перед вами. И я не буду предлагать свои услуги дважды.

– Да. И я не буду, – гордо сказал Слэйто, словно это не я, а он только что разоружил обоих вояк. – Таких мечников, как мы, еще поискать. Я так вообще на вес золота.

Я бросила на него недовольный взгляд. Что-то не вовремя мой маг оттаял. То слова от него не допросишься, то шутит, как в былые времена, но совсем неуместно.

Молодой солдат с пером в руке деликатно отвел клинок от своего горла и как ни в чем не бывало произнес:

– Да, ты и вправду хороша в деле. Грех отказывать в работе. Ответите на пару вопросов и можете проходить вперед, там капитаны оценят ваши боевые навыки. И нет, Корин. – Писарь осуждающе посмотрел на своего сослуживца, который от гнева начал багроветь. – Мы не будем обвинять их в нападении и докладывать об этом начальству. Ты хоть представляешь, как скучно на гауптвахте? А именно туда мы попадем, если кто-нибудь узнает, что какой-то новобранец обезоружил солдат Белого Чертополоха прямо посреди королевского двора.

– Умный легионер. Карьеру сделаешь, – усмехнулась я и подмигнула тому, которого звали Корином. – Бери пример. Так что за вопросы? Личного характера?

– Ничего особенного, просто выясняем, кто приходит во дворец и зачем. Начнем с тебя. Расскажи, как тебя зовут, откуда ты и где работала до этого времени?

Время замкнулось само на себе. Солнце, душный давящий шлем, грудь еще не привыкла к бинтам и жутко чешется. Я стою перед капитаном Алой Розы, тот плюется, когда говорит, а на носу у него огромный прыщ. «Как тебя зовут,

малец? Ну?!» Что бы ни говорил Мастос про последовательность бусин, я прекрасно знала, что это вовсе не очередность событий. Это витки, каждый из которых повторяет предыдущий. Все это уже было раньше. Я приходила в легион, и мне было страшно. Капитан спрашивал, как меня зовут, а я только задыхалась, потому что не придумала мужского имени. И в тот раз, как и теперь, впереди меня ждал Атос, но тогда я об этом еще не знала.

- Ну? - повторил легионер с пером. - Как тебя зовут?

- Меня зовут Лис.

* * *

- Это было слишком легко, - сказал Слэйто. То, что я приняла за возвращение эмоций мага, скорее всего, было побочным эффектом элеевых слез. Я уже видела такое раньше - он начинал двигаться чересчур резко, уголки рта подрагивали, словно при тике. - Ты чего такая бледная?

Мы прошли во внутренний двор. Чуть поодаль, у стены, увитой красным плющом, была разбита тренировочная площадка. Четыре столба с натянутой по периметру веревкой огораживали посыпанный песком квадрат земли, на котором неумело мутузили друг друга два паренька.

- В смысле бледная? - спросила я, хотя мои мысли сейчас витали очень далеко. Я беспокойно оглядывалась, пытаюсь в открытых ли галереях замка, в тени ли дворца отыскать рослую мужскую или хрупкую женскую фигуры.

- Будь чуть веселее, Лис, ну! - Маг сжал мое запястье так, что стало больно. - Я почти уверен, что смогу уговорить Атоса отречься от его прекрасной девы. Войя, я уверен на все сто! Ты не знаешь и половины моих трюков.

И он расхохотался так, что рекруты вокруг начали на нас оглядываться.

- Прекрати, - шикнула я на него. - О чем ты? Сначала Мастос спятил, а теперь и ты?

Слэйто вновь улыбнулся одной из своих самых отрешенных улыбок и взглянул на меня. На одно мгновение мне показалось, что во взгляде его читалась чистая, безудержная ненависть. Если бы Слэйрус ее когда-либо дистиллировал, она выглядела бы именно так: пламя, вскидывающееся над угольями, которые, казалось, было совсем остыли. Пламя и дым, которые душат тебя, иссушают, а то, что остается, подхватывает ветер – вот что такое была эта ненависть. На тот миг мне почудилось, что я ненавижу себя не меньше, чем он, что горю заживо и считаю это вполне заслуженным.

Но как всегда, секунда – и снова передо мной сонный Слэйто с прикрытыми глазами и блаженной улыбкой.

– Не могу же я оставить тебя одну, Лис. Я обязан о тебе позаботиться.

– Позаботься о том, чтобы в следующий раз получше отмерить дозу, – буркнула я, все еще напуганная тем, что прочла во взгляде своего спутника.

– Где ты учился драться, солдат? В любом кабаке дерутся отчаянней! Боги, спасите, да любая кухарка лучше оттаскает за волосы поваренка!

Голос раздавался со стороны площадки. Я узнала бы его из тысячи. Не изменившийся, не треснувший – все такой же зычный, громкий голос командира. Друга. Брата.

– Атос жив, – прошептала я. В эту секунду я могла не думать о последствиях, а просто позволить себе насладиться счастьем осознания. – Он жив.

* * *

Я никогда и никому бы в этом не призналась, но после магического взрыва нередко представляла, что Атос чудесным образом спасся, и вот мы встречаемся. В этих мечтаниях я, конечно же, сразу прощала его глупую веру в Алайлу и щенячью преданность ей. Мы смеялись, обнимались и уезжали на поиски приключений далеко-далеко. В этих мечтах не было Атоса, лишь выдуманный его образ: мой смелый защитник, мой учитель, мой брат... Мой, мой, мой. Не настоящий Атос, обуреваемый своими страстями, а некое приложение ко мне, тот, кому по долгу службы вменялось делать меня счастливой.

Это и было самым сладким: вообразить себе идеальный мир и идеальную дружбу. И как только противный голос разума тихонько шептал: «Погоди, не все так просто...» – я попросту обрывала грезы. Мечты должны приносить радость, верно? Никому не нужна правда жизни.

Но он и вправду был жив, стоял в паре десятков метров, дышал тем же воздухом, что и я, и от души ругался, как в былые времена. И то, что мы встретились, вдруг стало самым худшим моим ночным кошмаром. Взявшись за край, я натянула фаранк на лицо так, что один из его слоев скрыл меня от глаз до самой шеи. Теперь я была готова встретиться со своим двухлетним страхом.

Я смотрела на Атоса, может быть, с минуту, пока не поняла, что пытаюсь отыскать в нем чужака. Мне хотелось, чтобы он выглядел или вел себя иначе. Чтобы я с легким сердцем могла сказать: «Да, он ошибся и избрал зло. Что ж, можно убить его со спокойной совестью». Но, к своему нарастающему стыду, я видела лишь крайнийского мальчишку, который на людях всегда вел себя слегка вызывающе. Разве что чуть возмужавшего, отрастившего волосы, завязанные теперь в небрежный хвостик, и одетого в форму бело-зеленых оттенков, приличествующую генералу. На спине в ножнах, как всегда, висел огромный двуручный меч, вот только это был другой клинок – это я поняла издалека. Атос нетерпеливо постукивал костяшками пальцев по ограде импровизированной арены, как делал тысячи раз в беседе со мной. Начал колотить – дурной знак, нервничает или даже злится.

Он на миг прекратил отчитывать рекрута и взглянул куда-то за мою спину, затем равнодушным взглядом скользнул по мне и вновь отвернулся.

– Ты надеялась, что он узнает тебя, верно? – тихо и немного печально сказал Слэйто. – Что ваша встреча сложится как-то иначе, а не посреди толпы безусых юнцов?

– Немного приватности мне бы и вправду не помешало, – с горечью ответила я.

– Это можно устроить.

Я ничего не успела возразить, как вдруг Слэйто резко повел правой рукой, обводя весь двор невидимой окружностью. И люди начали валиться с ног, словно

подкошенные незримой косой: рекруты, легионеры, служанки – все, кто входил в магический круг Слэйто, без чувств оседали на землю. К горлу подкатила тошнота. Я слишком хорошо помнила, как беззвучно падали маленькие птички в вербовой рощице, пока я бежала, пытаюсь спастись от разрушающей волны. Зрелище людей, падающих в полнейшем молчании, слишком напоминало день, когда я простилась с Атосом.

На своих ногах во дворе остались лишь трое. И теперь, развернувшись, Атос вовсе не выглядел безучастным. Он смотрел на нас оценивающе, особенно на Слэйто, который не потрудился опустить руку после заклинания, – так и стоял, словно деревенский указатель.

Атос вынул меч из ножен и указал на Слэйто.

– Если они мертвы, сейчас ты к ним присоединишься.

Он сказал это спокойно, но я заметила нечто поразительное. С каждым словом над Атосом взвивались язычки темного пламени.

Не дьявольской энергии проклятого ключа, нет! Я была уверена, что это было облучение вроде моего. Он был зол, но не проклят.

– Они спят. Кто я, по-твоему, – убийца? – с легкой усмешкой спросил маг.

– А почему нет? Что я должен подумать? Ты не представился, а твоя ока молчит. Люди вокруг меня лежат без сознания – это очень плохое начало любой истории. – С этими словами Атос направился к нам, меряя землю широкими шагами. На полпути он сбросил плащ. Ну разумеется, в битве он только стеснял бы движения.

Я попыталась остановить его, но от волнения мой голос сорвался на хрип, и вместо фразы вышло нечленораздельное карканье. Этого, однако, хватило, чтобы крайние замер, так и не приблизившись. Слэйто взглянул на меня и, сообразив, что толку от меня никакого, снова обратился к Атосу.

– Нам нужна Алайла. Против тебя я ничего не имею, более того – у меня даже есть на тебя планы, генерал. Но оставим их на будущее. Сейчас мы хотели бы

повидать Алайлу.

Эти слова словно ввели Атоса в транс.

Он выглядел так, будто ему меч в грудь воткнули, даже пошатнулся. Лицо побледнело, а разгоревшиеся вокруг языки темной магии с едва слышным шипением стали растворяться в воздухе. На меня генерал не смотрел, его взгляд был прикован к магу. Наконец крайниец ответил:

– Алайлы вам не видеть. Дело в том, что она мертва.

Слэйто нахмурился. Он пытался разглядеть в лице Атоса признаки лжи, но видел только то же, что и я: обескураженность, растерянность, удивление.

– Ты ведь не хочешь сказать, – проговорил маг, наконец опустив руку, – что Секира – это не Алайла?

– Секира определенно не Алайла, – ответил Атос с такой интонацией, будто перед ним идиот. – С чего ты вообще это взял?

– Гори оно все адским пламенем! – заорала я. Голос вернулся, а цепи страха, сковавшие меня, рассыпались. Как я могла забыть, что Слэйто настойчиво велел мне делать то, что я хочу, позабыв о том, что должно? И почему сейчас я должна была строить из себя глыбу льда, молчать или сражаться с Атосом? Почему? Ведь единственным моим желанием было обнять этого идиота!

Я метнулась к нему. Атос ошибочно решил, что сумасшедшая ока пытается на него напасть, и поднял меч.

– Тебе всегда не хватало реакции, засранец! – прокричала я, проскочив под мечом и тыльной стороной кожаной перчатки отбросив от себя его широкое лезвие. – И мозгов не хватало! И, мои боги... – я расхохоталась.

Я стояла перед ним и уже не чувствовала себя ни маленькой, ни малозначимой. Все два года, что разделяли нас, исчезли, сделались не важны. Мы всегда были волком и лисенком, вот и все. Атос смотрел на меня ошарашенно, он начинал что-то понимать. Но еще до того, как он окончательно пришел в чувство, я

порывисто его обняла.

– Я скучала, – прошептала я, уткнувшись в его рубашку, пропитанную знакомым запахом выделанной кожи и дыма.

Целую вечность ничего не происходило.

Где-то в мире начинались войны, где-то рождались герои, а я стояла и ждала. Наконец грубая шершавая ладонь легла мне на макушку и легонько потрепала волосы.

– А я-то как скучал, Лис. Ты даже не представляешь.

* * *

Тысячи вопросов теснились в моей голове. Но когда я, приложив всю силу воли, смогла разорвать объятия и на шаг отступить от Атоса, то невольно залюбовалась им. Он смотрел на меня с дружеской улыбкой, такой знакомый и родной, но кое-что в его лице меня настораживало. Он не был удивлен. Рад, спокоен, но как будто ожидал меня.

– Где же «Эгей, Лис, ну и где ты пропадала?» – я шутливо толкнула его локтем, а затем добавила глухим голосом: – Я-то ведь тебя похоронила, поэтому несколько иначе смотрю на эту встречу. Мы с тобой как два мертвеца, что встретились на просторах загробных лугов.

– Недавно я узнал, что ты жива, и уже успел это отметить. – Атос вдруг схватился за голову. – Мне столько надо тебе рассказать! О том, как выжил в Сiazовой лощине, о встрече с Секирой, о том, как я оказался генералом Крианны. Но... – Он осекся и весьма недобро посмотрел на Слэйто. – Сначала скажи мне, кто это и могу ли я ему доверять?

Я обернулась к магу. Он снова сдулся, как сложенные кузнечные мехи. Весь задор, что подарили ему элеевы слезы, выветрился. Слэйто стал будто прозрачным, а на лице блуждала одна из его загадочных улыбок. Магу не повезло – он был одним из немногих людей, которые вызывали у порывистых и страстных натур жуткую антипатию. Подобные чувства испытывал к нему

Гардио: он смотрел на Слэйто так, словно тот был заразой или нечистотами. А теперь, судя по всему, и Атос проникся к магу отвращением. А ведь если крайниец заражен тем же пламенем, что и я...

Словно отвечая на мой незаданный вопрос, Атос сказал раздраженно:

– Да, я вижу, что этот твой приятель полыхает, как костер в ночь всех богов! И я догадался, что он маг.

– Я Слэйто. – Маг протянул узкую ладонь Атосу. Ох, как удивится крайниец ледяному холоду этих пальцев! Но Атос руки не подал. Он всмотрелся в лицо Слэйто, а затем вытянул указательный палец и нацелил его на мага.

– Ты мне не нравишься, – сквозь зубы процедил генерал. – И я хочу, чтобы ты уяснил это здесь и сейчас. Тебя привела Лис, но я буду следить за тобой каждую проклятую секунду.

Они стояли друг напротив друга: один массивный, будто гора, другой худой, как щепка. Впрочем, маг был не намного ниже Атоса, а его полыхающая аура словно добавляла ему веса. Воздух вокруг заискрился, но не подобием снежинок, как в тот раз, когда мы пересекали Русалочью падь. Теперь это были частицы огня Кисуне, который полыхал в душе мага. Слэйто уже не выглядел потеряннным. Та обжигающая ненависть, с какой он совсем недавно смотрел на меня, сейчас будто выплеснулась из его глаз. Это был не тот Слэйто, которого я знала. Может быть, охотник Слэйрус или то, что сделало его богом.

– Я мог бы убить тебя на месте, мальчишка, – прошептал маг. – Стоит проявить немного уважения.

Атос не был трусом, но тот жар, что исходил сейчас от Слэйто, заставил его отшатнуться. А я, как обычно, кинулась спасать ситуацию.

– Довольно, петухи несносные! – Я встала между мужчинами и с силой оттолкнула их друг от друга. Слэйто отлетел на пару шагов, а Атос лишь слегка покачнулся. Левую ладонь будто ошпарило исходящим от мага жаром, и я сжала ее в кулак. – Не можете вежливо познакомиться, так просто молчите.

– Что, во имя всех богов, тут происходит?!

Резкий, сухой, но невероятно властный голос заставил нас всех взглянуть вверх. От одной из башен замка во двор вела широкая каменная лестница, на которой застыла маленькая фигурка. Она приблизилась, и я с удивлением обнаружила, что обладателем столь командирского тона оказалась сухонькая старушка, одетая в бежевый чепец, из-под которого выбивались прядки седых волос, и простое домашнее платье. Самым примечательным было то, что она курила трубку, которую перекидывала из одного угла рта в другой с ловкостью заправского матроса.

– Когда я говорила, что дневной отдых необходим, то имела в виду себя – пожилую достойную леди. Так какого Войи, Атос, у меня спит весь двор?! – прогрохотала старушка, а затем указала на меня и Слэйто. – И, будь все проклято, почему к нам пришла еще одна ока? Сколько ока должно быть в моем замке, чтобы ты был счастлив, генерал? Может, просто пригласим сюда целый токан?

Атос неуклюже поклонился и попытался поправить плащ, который незадолго до этого сбросил с плеч. Рука несколько раз оцупала воздух, и это не осталось незамеченным.

– Бросил! В грязь! – взвилась женщина. – Да знаешь ли ты, какой адский труд для прачек – каждый раз отстирывать ваши белые плащи и исподнее, генерал?! Как сорванец, швырнул на землю и забыл!

Лицо Атоса приобрело совсем уж страдальческое выражение. Он обернулся к нам и, пригибаясь под градом угроз всех кар небесных, негромко сказал:

– Позвольте представить вам монарха и вседержительницу трона Королевства – ее величество Крианну. – А затем обернулся к королеве и, стараясь перекричать ее, произнес: – Это Лис, ваше величество! Она наконец-то до нас добралась!

Старушка резко замолчала, вновь проделала трюк с перекачиванием трубки, выпустила кольцо дыма и изрекла:

– Долго же ты добиралась, девочка. Почти все в сборе. Но ради всех пропойц и праведников, зачем было выражаться ока?

Я не сразу поняла, что это вопрос, требующий ответа. Но старушка – или королева, как теперь следовало ее называть, – вопросительно приподняла брови.

– Эм-м, – промямлила я. – Мне так удобнее, ваше величество. Да и к тому же красиво. Ярко. М-м-м...

– Извель с ума от счастья сойдет, – бросила королева, развернувшись и начиная подниматься по лестнице. – Вы завтракали? Любите сосиски с хреном? Не беда, если нет, ведь я все равно не предложу вам ничего другого.

– Извель? – переспросила я Атоса. – Мне не слышалось?

– Она здесь, Лис, – улыбнулся крайниец. – Мы все собрались. Ждали только тебя и еще кое-кого.

Я посмотрела вслед королеве. Та шла тяжело, было заметно, что, несмотря на громогласный голос и пристрастие к курению трубки, Крианна совсем не молода. Одну ногу она подволакивала, как человек, страдающий подагрой.

Все мои представления о том, с чем я столкнусь в Ярвелле, рушились, словно огромный дом из игральных карт. Секира не была Алайлой, Атос не был мне врагом, Крианна больше напоминала трактирщицу, нежели королеву. Еще и Извель находилась тут же, уму непостижимо. И меня ждали! Я знала, что с помощью ключа Алайла никогда не стала бы Поглощающей. Ведь рядом со мной ходил живой пример того, что магические силы в Королевстве приобретаются совсем иным путем. Но я была готова к схватке с ней, обезумевшей и потерявшей человеческий облик, а теперь... Алайла мертва?

Из размышлений меня вывело деликатное постукивание по плечу.

– Может, все-таки пойдем и полакомимся сосисками? – осведомился Слэйто. – Твой великолепный Атос меня жутко разозлил, а когда я злюсь – мне хочется есть.

– Просто взять и уйти? А они пусть валяются себе дальше? – возмутился генерал. Рекруты, легионеры и служанки вокруг нас все еще оставались без сознания.

– Они придут в себя минут через двадцать, – нетерпеливо ответил маг. – Мы можем подождать здесь, а можем пойти и поесть сосисок. Меня, знаешь ли, не каждый день приглашает на завтрак королева.

И он устремился вдогонку монаршей особе.

– Идиот, – сквозь зубы кинул ему вслед Атос, а потом посмотрел на меня и добавил уже чуть мягче: – Твой друг – идиот.

– Все мои друзья – идиоты, – парировала я. – Иначе бы они со мной и не дружили.

Носа коснулся тонкий аромат жареных свинины и яиц, который явно доносился из окон той башни, в которой скрылись королева и маг. В животе глухо заурчало.

– Да понял я, понял! – буркнул Атос. – Пошли завтракать.

Но прежде чем покинуть двор, он подбежал к белоснежному плащу и, старательно отряхнув, аккуратно свернул ткань под мой непрекращающийся смех.

* * *

Я вошла в замок и удивленно заозиралась. Где же оно, то былое великолепие, про которое в детстве рассказывал мой Принц? Юный лорд замка пару раз ездил в столицу на детские балы. Пока отец усиленно подыскивал ему подходящую партию среди скучающих аристократок кровей разной степени благородности, мой друг осматривал замок Ярвелла. Этот мальчик мог быть жестоким, грубым и своенравным, но Принцу сложно было отказать во врожденном любопытстве. Возвращаясь из поездок, он первым делом бежал ко мне в библиотеку или в комнаты оружейника, где я коротала дни со своим отцом. Глаза его лихорадочно блестели, а слова вылетали изо рта быстрее, чем мысль успевала родиться в среброволосой голове.

Юный лорд рассказывал о великолепных залах, в которых на паркете из черного дуба танцевал весь высший свет Королевства. О сияющих платьях дворянок, о галантности кавалеров, о том, как степенно и мудро выглядел наш король. Мне

уже тогда казалось, что он привирает, слишком уж красочными были его описания. Порой он начинал нести такую чушь, что я ловила его на вранье, совсем как в тот раз, когда он сказал, что придворный фокусник выпустил прямо в бальном зале настоящего феникса. Но даже будучи уличенным во лжи, Принц не переставал рассказывать мне о прелестях придворной жизни. Правда, все его истории заканчивались одинаково: красота дворца Ярвелла – ничто по сравнению с нашим замком, поэтому какие бы чудеса ни творились в столице, он всегда рад возвращению домой, ко мне. Мое крохотное сердечко трепетало, а Принц еще пару дней с помощью служанок и дворовых людей разыгрывал приемы и балы. Сам он притворялся королем, я играла королеву – и это прощалось мне хотя бы потому, что все знали, что ее величество давно покинула столицу. Наши друзья – подмастерья и конюшие – изображали придворную аристократию. «Как ваши дела, милорд Конский навоз?» – «Превосходно, я только что купил десять кораблей симмского шелка, кардинал Протопи-камин!» Сейчас, гуляя коридорами настоящего столичного замка, я будто снова слышала голоса друзей моего детства. Принцу хватало пары таких «балов», и спустя некоторое время его интерес к столице угасал. Он снова с головой уходил в обычные наши забавы.

На юношеские балы мой Принц уже не попал. Старик-король слег и умер. Война вспыхнула подобно ужасающему костру, в одночасье поглотив все на своем пути: родственные связи, обязательства, клятвы верности многочисленных родственников монарха. Пламя раздора пылало не один год и не одно десятилетие, и теперь на его пепелище осталась лишь острая на язык старушка с трубкой, которая семенила передо мной, то и дело припадая на одну ногу.

И больше ничего. Где прежнее великолепие, где гобелены, повествующие об истории нашего Королевства, где королевские гвардейцы в багряных мундирах и с напوماженными усами? Вокруг царило то же запустение, что и в Белой башне Лисьего чертога. Пыль клубами вилась в солнечном свете, который просачивался сквозь разбитые витражные окна. Наверное, когда-то давно рисунок на них изображал райские цветы или неведомые страны. Выбитые стекла лежали тут же, под ногами, и звонко хрустели под подошвами моих сапог. Красные, синие, фиолетовые и ярко-оранжевые осколки усеивали коридор, словно диковинные опавшие листья. В углах, куда не проникал свет, таились, как в солдаты в засаде, груды мусора – то ли убранные туда кем-то не слишком опрятным, то ли образовавшимися сами собой, из ничего.

Но даже этот грязный и неухоженный замок будил и выталкивал на поверхность сознания все мои сокровенные воспоминания. Я словно видела их: мальчика и девочку, что бегут к огромной ясеневой двери по грубым камням. Дети смеялись. Я скривилась.

– Тут сейчас немного грязно, – извиняющимся тоном произнес Атос, который шел немного позади. – Но вот увидишь, мы приведем это место в порядок – и замок вновь засияет во всем своем величии. Он будет дарить людям ту же веру в светлое будущее, что и прежде.

– В замках не живет вера. Тут обитают лишь интриги и предательства. Вера – сущность свободолюбивая, она может жить только под открытым небом, тебе ли не знать, – сказала я так тихо, что крайниец почти наверняка не услышал.

Неужели всюду, куда бы я ни пришла, меня ждали одни обломки? Зброшенная Белая башня, руины святилища в Волчьем саду, теперь вот замок Ярвелла. На душе стало тревожно, ведь Мама-Ока предсказала в моем будущем массу пугающих вещей. Что, если тьма, которая ожидала меня впереди, не исчерпала себя в Сиазовой лощине? И все эти развалины – предзнаменование грядущего? Бр-р, кажется, я становилась не просто старой занудой, а суеверной и мнительной бабкой. Не успела порадоваться встрече с давно потерянным другом, а уже выискиваю новые дурные предзнаменования.

Меж тем мы дошли до кухни. Королева не повела нас в столовый зал, а пригласила в не очень чистую, наполненную дымом и чадом поварскую. Здесь заправляла высокая и сухопарая женщина лет сорока. Ее мышиного цвета волосы были забраны в высокий пучок – настолько тугий, что, казалось, он натягивал кожу на лбу. Сощуренные и недоверчивые, или же просто подслеповатые глаза соседствовали на лице с тонкими, но удивительно вытянутыми вперед губами, словно повариха силилась поцеловать кого-то невидимого. Королева представила нам хозяйку кухни:

– Это Глэйда. Она у меня и за портниху, и за повара, и за горничную...

– И за сиделку, когда эта старая карга набегається, натрудит свою ногу и упадет без сил. Вот тогда и начинается: «Глэйда, сделай припарку. Глэйда, принеси мне чаю!» – разворчалась прислужница, снимая вымазанный в саже передник.

Я, может, и удивилась бы, если б еще во дворе не уяснила одну простую истину – леди Крианна была очень своеобразной королевой. Ничего подобного до нее королевский двор Ярвелла не видел многие десятки, а то и сотни лет.

– Она придуривается, – неожиданно ласково произнесла ее величество. – Мы с Глэйдой последние двадцать лет – не разлей вода. Можно даже назвать нас подругами.

– Только одна подруга сидит на троне и срет в золотой горшок, а другая этот горшок выносит. Ну, что встали? Садитесь давайте, сосиски сами себя не съедят.

Несмотря на обещание немногим большего, чем жареные яйца и свиные сосиски, кухонный стол, накрытый слишком уж вычурной ажурной скатертью, едва не ломился от разнообразной снеди. Тут был только что испеченный ржаной хлеб с хрустящей корочкой. В большой фарфоровой бульоннице дымилась ароматная похлебка с лесными грибами и травами. Толстыми ломтями был нарезан деревенский сыр, политый прозрачным медом. А на сладкое нас ожидали самые настоящие шиколоне – пирожные из шоколадных коржей с шоколадным же кремом, пропитанные таким количеством патоки, что зубы сводит от сладости.

Мы уселись за стол, и хотя в голове продолжали тесниться вопросы, я начала набивать рот горячими булочками и сосисками. Несмотря на простоту рецептов, это было поистине королевское разнообразие.

– Хде Ижвель? – пробурчала я с набитым ртом.

– В библиотеке, наверное. Увидишь ее после завтрака, – отмахнулся Атос.

– Как ты...

«Выжил», – хотела спросить я, но королева бросила на меня выразительный взгляд.

– Когда я пищу принимаю, язык я в клетку запираю! Разве в ваших токанах не учат есть без болтовни?

Я замолчала. У меня еще будет время узнать об Атосе, Алайле, этой загадочной Секире, а сейчас можно было просто наслаждаться стряпней Глэйды. Слэйто, похоже, тоже восторгался завтраком. Учитывая, что все последние недели для того, чтобы маг поел, мне приходилось ему чуть ли не ложку в руку вкладывать, видеть, как он с аппетитом уминает хлеб и мясо, было радостно. Слэйто искоса поглядывал на Атоса и с каким-то остервенением вгрызался в сосиски. Крайниец же с довольной улыбкой наблюдал за мной. Как жаль, что это была не восторженная улыбка из разряда «Какое счастье узнать, что ты жива». Ему кто-то рассказал обо мне, предупредил, что я иду. Разве что Извель, узнавшая об этом от Мамы-Ока? Но, Войя подери, это было нечестно. Атос уже успел обрадоваться и пережить все эмоции, меня же лихорадило от радостного возбуждения. Мы снова не были равны – теперь уже в счастье. Что за злая судьба не могла уравнять нас хотя бы на миг этой встречи?

Я быстро заглотила шиколоне целиком, даже не почувствовав вкуса шоколада, и вытерла рот полотняной салфеткой, подложенной мне под тарелку заботливой Глэйдой.

– Все! Я поела! И я хочу знать все! С того самого момента, как мы попрощались в Сiazовой лощине.

Атос застыл, так и не донеся кусок хлеба до рта.

– Тогда тебе придется отложить встречу с Извель, ведь история выйдет не из коротких, – ответил он.

– Как-нибудь переживу. – Я нахмурилась. – Видеться с ней мне не к спеху. Ведь я не думала, что Извель мертва, и не оплакивала ее два проклятых года.

– Что ж. – Атос поднялся из-за стола. – Пойдем прогуляемся вдвоем. Я не хочу делиться этим рассказом с кем-то, кроме тебя.

Последние слова предназначались Слэйто, который приподнялся над стулом, чтобы последовать за нами, да так и оцепенел.

– Ничего... – пробормотала я. – Пообщайся пока с Королевой, Слэйто. Это и вправду очень личное.

– Ну разумеется, – холодно произнес маг и уселся обратно.

Имя третье: Алайла

Мы с Атосом покинули кухню через другую дверь и спустились по пологому крутому коридору в сад, который располагался во внутреннем дворе крепости. Как и сам дворец, сад был заброшен и неухожен, но, в отличие от замка, ему это придавало шарма. Громадные клумбы заросли буроцветом. Декоративные сосенки, которые не подстригали вот уже много лет, топорщили ветви, будто мохнатые лапы. Дорожки, когда-то посыпанные белым песком, что угадывалось по их контуру, теперь заросли местами выгоревшей, местами вытопанной травой. И над всем этим буйством природы возвышались огромные столетние ели. Я запрокинула голову, рассматривая солнце, запутавшееся в их ветвях.

– С чего бы начать... – растерянно сказал Атос.

– С извинений, – неожиданно для себя самой ответила я. – Прости, что оставила тебя в лощине. Что не приложила чуть больше усилий, чтобы спасти тебя. И хотя, похоже, я все-таки сделала верный выбор, но он дался мне непросто и стал причиной многих бессонных ночей.

– Думаю, извиняться должен я, – медленно произнес Атос. – Мне всегда твердили: «Слушай свое сердце!», но тот единственный раз, когда я пошел у него на поводу, едва не стоил мне жизни. Я не поверил тебе, оттолкнул тебя и вляпался в дерьмо небывалых размеров.

Казалось, я должна была испытывать чуть больше радости. Вот он, тот волшебный миг, знакомый любой женщине, когда можно воскликнуть в одно слово: «Я-же-тебе-говорила!». Но, увы, не почувствовала почти ничего. Атос взглянул на меня из-под взлохмаченной челки, как делал раньше, явно ожидая ответа.

– Твои слова много значили для меня. – Я старалась говорить так, чтобы не обидеть друга. – Но они были бы ценны именно тогда, в Сiazовой лощине, когда ты был Волком, а я – Лисенком. А сейчас я и сама не знаю, кто я. Но рада, что мы

с тобой сошлись во мнении, что Алайла была сукой.

Атос поморщился от грубости, и все те злость и обида, которые копились у меня внутри под толстым слоем чувства вины, наконец прорвались наружу, подобно извержению огромного вулкана.

– Слово «сука» тебе не понравилось? Seriously? Ты что, намерен защищать эту дрянь даже после того, как она уничтожила целый регион на севере? Заразила магией и прикончила всех, кроме нас двоих?

– Нет. Алайла – чудовище... То есть была чудовищем. Но то, что с ней случилось, о боги, я бы не пожелал этого даже заклятому врагу. Не говоря уж о женщине, которую, как мне казалось, я любил.

Мы остановились у девятикора. Высокий разросшийся куст нависал даже над Атосом, а его крупные белые плоды-шарики покачивались над нами, словно гигантские ягоды омелы. Атос рассеянно сорвал пригоршню шаров и стал, отрывая их от кисти, бросать на дорожку.

– Давай по порядку. – Я сжала виски. – По порядку. Вот я убегаю, только пятки сверкают. Что потом?

– Потом возвращается Крамер. Его лошадь загнана, сам он напуган. С ним приехала пара солдат, разве что портки не обмочивших, в таком они были ужасе. Крамер много о себе думал, но я этой уверенности не разделял. Это он мнил себя стратегом и главой легиона, однако Алайла вертела им так же, как и мной. Когда мы с тобой уезжали из легиона, я думал, что Крамер не достоин быть ее мужем. И вот в конце концов он получил ровно то, чего заслуживал.

Алайла пришла в себя после боя с тобой, но стала заговариваться. Будто общалась с кем-то, кого никто не видел. Просила собеседника унять его голод. Эти разговоры напугали Крамера еще сильнее. Настолько, что он попытался сбежать из лагеря. Вот тогда-то все и началось. Я... Ох, каким же я был идиотом, – Атос проговорил это с чувством, словно смакуя собственную никчемность. Каждое слово он произносил с наслаждением. До этой минуты мне казалось, что я единственная, кто медленно, день за днем изводил себя чувством неумной вины. Но оказывается, где-то на другом конце Королевства жил Атос, который упивался своей никчемностью с ничуть не меньшей страстью.

В руке у крайнийца осталось всего три шарика девятикора. Он посмотрел на них и с ожесточением сжал кулак, только сок в стороны брызнул.

– Она убила Крамера очень быстро. Кинулась ему на спину и кинжалом пропорола горло от уха до уха. Он упал и почти сразу же затих, но Алайла не спешила отходить: стояла над ним, как дикий зверь, выгнув спину, и урчала совсем по-звериному. Я же просто застыл, как остолоп. Помнится, я думал, что это все дурной сон. Ты мне рассказывала про свои кошмары, вот и я решил, что провалился в один из таких.

Затем Алайла завизжала и попыталась снять с груди цепочку, но вела себя, будто марионетка, не властная над своими руками. Вроде бы и дергает цепочку, а жест, чтобы снять через голову, не выходит. На ее шее что-то висело, но я стоял слишком далеко, чтобы разглядеть, что именно. Это было похоже на ключ, тот самый, про который ты мне рассказывала. Я метнулся к ней, но...

Атос судорожно сглотнул, затем глубоко вздохнул и отер взмокший лоб. Думаю, даже спустя столько времени это были тяжелые воспоминания. Между тем крайниец продолжил:

– Первая волна лишила весь мир звуков. То, что было на шее Алайлы, испустило мощный удар, я еле на ногах устоял. А ее саму выгнуло дугой так, что, стоя на цыпочках, она макушкой касалась земли. И рот Алайлы распахнулся в крике, но я не слышал ни звука. Я попытался заорать сам, но и себя не услышал.

Вторая волна убила все цвета, мир посерел. Вот я смотрю на Алайлу, на ее развевающиеся черные волосы, еще миг, и я не могу отличить их цвет от цвета неба или травы. Все поблекло, истончилось, стало словно нарисованным золой на пергаменте. От удара второй волны я рухнул на колени. Я пытался приблизиться к Алайле, но какая-то невидимая сила не подпускала меня ближе.

Третья волна началась вокруг нас. Будь я чуть дальше от Алайлы, сейчас бы с тобой не говорил, Лис. Но вокруг нее возникло око шторма, маленькое пространство спокойствия. Нас там оказалось четверо: я, Алайла, тело Крамера да какой-то безымянный солдат. Как только парень смог подняться на ноги, сразу кинулся прочь. Но стоило ему сделать пару шагов, как его растворило... Я, Войя подери, не могу подобрать другого слова. Будто в самом воздухе было нечто, превратившее его в пыль. Я до сих пор иногда вспоминаю его удивленное

лицо. На одной половине застыл широко раскрытый зеленый глаз, а другая рассыпается в красноватый песок.

И все, кто был вокруг, растворялись тоже. Все, что осталось от Алой Розы, обратилось красной пылью. Смерть – неблагодарный садовник. Розовый сад скосили под корень. – И Атос снова замолчал. Это была не драматическая пауза, как у бывалых рассказчиков. Я видела, что внутри моего друга все еще бушует тот ураган, что превратил людей в песок. И если тот безымянный солдат рассыпался мгновенно, то сам Атос медленно повторял ту же судьбу – воспоминания крошили его изнутри.

– В конце концов рот у нее почти разорвался, – с трудом выдавил из себя Атос.

Я вздрогнула. День был солнечный, но мы будто стояли там, в серой и беззвучной Сиазовой лощине.

– Что, прости?

– Она беззвучно кричала так сильно, что рот у нее разорвался. Кожа на щеках лопнула, и нижняя челюсть почти упала на шею. Она посмотрела на меня и попыталась что-то сказать. Я до сих пор уверяю себя, что это было «прости» или «я не хотела». Но в глубине души знаю – она говорила: «Почему ты еще жив?».

В кустах пронзительно крикнула птица. Я подскочила, рука заученно метнулась к эфесу меча. Убедившись, что из озаренных солнцем кустов ко мне не подкрадывается призрак прошлого с разорванным ртом, я попыталась унять дрожь в коленях.

– Значит, такой и была ее смерть? – спросила я. Тело больше не трясло, а вот голос все еще подрагивал.

– Не совсем. Когда Алайла произнесла эти слова, вокруг нас вдруг начали открываться двери.

– Прости. Я с ума схожу или...

– Или мы ходим вместе, Лис. Вокруг меня и Алайлы начали появляться двери. Самые разные: деревянные и каменные, обитые железом и тростниковые, большие и маленькие. Сверху и снизу, со всех сторон одновременно. Ты должна понять, я уже чувствовал себя трупом, и двери показались мне логичным предсмертным бредом. Говорят, последователи Церкви Прощения идут после смерти по длинному коридору навстречу свету. Вот я и подумал, что безбожники вроде меня видят кучу дверей.

Мы нервно захихикали. Атос продолжил:

– Все двери были заперты, но те, что возникли ближе всего к Алайле... Их будто сквозняк тревожил. Они слегка подрагивали. Одна огромная каменная дверь выглядела старше всего на свете, словно осколок гор Хаурака или чья-то древняя могила. Другая тоже была старой, но яркой и расписанной знакомыми узорами – может быть, ока или народов Симма. Я услышал рык из-за каменной двери, там что-то таилось и выжидало. Но оно явно собиралось выйти. Алайла тоже это чувствовала. В эти последние мгновения, когда я следил за ней, ее глаза наполнились ужасом. Она, кажется, сообразила, что впервые в жизни ее идеальная задумка пошла не по плану. И в этот миг дверь с треском отворилась. Я не успел разглядеть того, что накинулось на Алайлу. Это существо было слишком быстрым. Оно, или же «это», если та штука не принадлежала миру живых, схватило Алайлу и ринулось в открывшуюся узорчатую дверь. Оно ушло, даже не заметив меня. И будь я проклят, если не возношу за это благодарности всем богам, до которых долетают мои молитвы. И теперь, Лис. Самая интересная часть, верно? Как я выжил.

– Не льсти себе, – подначила я его. – Мне это совсем-совсем не интересно.

– А стоило бы проявить немного любопытства, ведь именно тогда я и встретил его.

– Его? – Я недоуменно подняла брови.

– Его, – произнес Атос с каким-то неизъяснимым трепетом. – Среброволосого принца в багряном плаще.

Меня как ледяной водой окатило. Есть истории, которые следует погребать в завалах памяти и никогда не пытаться раскопать и оживить. В моей жизни был

всего один Принц, и я была абсолютно уверена, что наши пути никогда не пересекутся. А учитывая, что мой юный лорд тоже обладал серебряными волосами...

Впрочем, Атос заметил мое замешательство и понял его абсолютно верно:

– Прости, Лис! Я не забывал твою историю, да и это имя дал ему вовсе не я. И, Идас мне свидетель, этот парень вряд ли твой богатенький южанин. – С этими словами он схватил мою руку и сжал ее. Атос даже попытался поднести ее к губам, но, видимо, сам счел, что выглядит глупо, и просто стиснул мои пальцы. Я растроганно улыбнулась.

– А ты стал мягче. Уже совсем не дикий и колючий крайнец.

– Это вряд ли моя заслуга. Я извлек уроки из нашего с тобой прошлого и постарался не быть такой занозой в заднице для нее, – проговорил Атос, отпуская мою ладонь. – Вернемся к принцу – если ты не против, чтобы я так его называл.

Я покачала головой и двинулась по дорожке – торчать под кустом мне надоело. Хотелось размять ноги, да и просто сбежать из тени, как будто там могли прятаться сумасшедшие женщины, проклятые ключи и таящиеся за каменными дверями чудовища.

– Принц возник откуда-то из-за моей спины. Я не сразу разглядел его. Вернее, так: я до сих пор не знаю, что именно видел. У него были короткие серебряные волосы, мальчишеская стрижка, сам он светился так ярко, что я не видел ни черт лица, ни одежды. Спереди сияющий, а сзади – багряный, словно в плаще. Принцем его назвала Извель.

Я схватилась за голову.

– Извель ведь не было в Сиазовой лощине!

– Если ты перестанешь меня перебивать, я, может быть, расскажу всю историю, – рассердился Атос. Я примирительно подняла руки, и он продолжил говорить, время от времени гневно посверкивая на меня голубыми глазами из-

под челки: – Когда мы встретились, все, что я заметил, это короткие серебряные волосы, красный плащ и яркий свет. Он рывком поднял меня на ноги, вернее, даже поднял за цепочку.

После этих слов крайниец залез рукой за ворот рубашки и, потянув тонкую цепь, достал кулон – две руки, переплетающиеся будто в танце, с облупившейся белой и синей эмалью. – Узнаешь сувенир?

– Еще бы, – усмехнулась я, но внутри разлилось приятное теплое чувство: он сохранил мой подарок.

– В общем, принц за цепочку поднял меня, и тут я и заметил, что круг безопасной земли сужается. Алайла была оком урагана, но, когда неизвестное существо утащило ее за расписную дверь, островок спокойствия начал уменьшаться. Тело Крамера, ранее лежавшее нетронутым, уже наполовину превратилось в красный песок, разносимый тьмой. Принц довольно грубо подтолкнул меня в сторону одной из дверей. «Кто ты?» – хотел спросить я, но мир оставался все так же нем и бесцветен. Что я мог еще сделать? Остаться там – в Лощине? Рассыпаться в красный прах? Я уже решил покориться судьбе, но в последний миг меня озарило.

Атос поглядел на меня и сбивчиво произнес:

– Прости меня еще раз. Я вспомнил о тебе слишком поздно. Все, конечно, происходило быстро. Но это вряд ли меня оправдывает. Паршивый я друг, верно?

– Ужасный, – подтвердила я и похлопала его по плечу. – Самый жуткий тип, которого я встречала в своей жизни. Эгоистичный баловень.

Крайниец нахмурился, пытаюсь разгадать, шучу я или говорю серьезно, но продолжил:

– Я пытался кричать принцу, объяснить жестами, что ты где-то там – за пределами нашего уставленного дверьми островка. Попробовал даже вырваться за край, но принц так саданул меня под дых, что я чуть не упал. А затем он раскрыл ладонь, и перед моим лицом закачался очень знакомый браслет из зеленых бусин, но как будто нить была подлиннее. Это не было совпадением – я понял, что принц знает о тебе и не даст пропасть. Поэтому я покорился

незнакомцу, и тот наконец вытолкнул меня за одну из дверей. Она была похожа на ту, куда нечто утащило Алайлу: те же узоры, только более свежая краска. Весьма неожиданно я вышел в Ирбисе.

– Так, Атос, все, что ты рассказывал до этого, и так пахивало бредом. Мне тяжело поверить в двери и принцев. Но Ирбис, зараженная столица Заокраины? – Я недоверчиво покосилась на крайнийца.

– Уж поверь мне. Я два месяца выбирался из этой дыры. Это, наверное, заслуживает отдельного рассказа, но я чувствую, что нас поторапливают.

Едва заметным движением глаз Атос указал на крытую галерею. Там, у одной из колонн, увитой, как стена и во внутреннем дворе, красным плющом, притаилась тень. Очень высокая и худощавая тень.

– Буду краток. Я оказался в разрушенной столице Заокраины. Смертельной магии там больше нет, но ее остатков оказалось достаточно, чтобы я облучился и стал видеть... всякое. Твое свечение, например, или ауру твоего приятеля. Я шел по разрушенным и заброшенным городам Заокраины, кормился охотой и разговаривал вслух сам с собой, чтобы не свихнуться. На полпути к Королевству я встретил небольшой отряд наемников. Как выяснилось, у ребят было задание – найти меня. Кто его выдал, парни не знали: заказчик пожелал остаться анонимным. Управляла наемниками волевая шатенка, и звали ее Секира.

– Теперь мне стыдно, – засмеялась я и нарочно повернулась спиной к галерее. Ибо нечего стоять над душой. – Я была уверена, что Секира – это Алайла, и шла сюда с твердым намерением убить вас обоих.

– Очень страшно, – ухмыльнулся Атос.

– Ты многое пропустил, генерал, – печально сказала я. – Теперь я – профессиональная убийца. Но ты не останавливайся.

– Это уже почти конец истории. Секира вначале показалась мне безумно похожей на тебя: опасная, дерзкая, смелая. Она, конечно, намного старше – думаю, ей лет сорок. Но потом я догадался, что сходство между вами существовало лишь в моей голове. Я переносил нашу с тобой дружбу на нее. Мне хотелось воскресить то, с чем я так беспечно расстался. А Секира оказалась

отличным слушателем и другом. Мы вместе вернулись в Королевство, нанялись на службу к Крианне и, как бы громко это ни прозвучало, окончили проклятую войну. Я сменил имя – Атос был повязан с легионом Алой Розы. Его помнили как генерала-беглеца и предателя. Отступника. Мне же хотелось написать свою историю заново. Один из наших наемников заметил, что, когда мы сражаемся спина к спине с Секирой, вокруг только искры летят. Это была отличная идея: стать кремнем и вместе с острой секирой рождать искры и пожары на поле боя.

– Вы не... – Я даже не знала, как закончить эту фразу. Стояла, как дурочка, посреди заросшего сада, взрослая женщина с онемевшими губами. Стесняющаяся, будто ребенок, простых вещей. – Вы вместе?

– Нет. Может быть. Не уверен. А вы? – Атос кивнул на тень в галерее. Но Слэйто, заметив этот жест, исчез – будто растворился среди плюща.

– Нет. Да. Войя его знает. Эта взрослая жизнь меня доконает. – Я растерянно поддела носком сапога маргаритку и сбила ее со стебля. – Все было гораздо проще, когда мы просто путешествовали к Белой башне. Кстати, почему ты не искал меня все эти годы? Как мы умудрились жить в одной стране и не слышать друг о друге?

– А мы слышали, – засмеялся Атос, явно довольный тем, что мы сменили столь щекотливую тему. – Ты слышала про генерала Кремня, одного из многочисленных военачальников какого-то там легиона. Я определенно слышал про некую сумасшедшую наемницу-ока из Ларосса – Бешеную Лисицу. Но мы спрятались за новыми именами, как делали уже много раз. Нас не узнал бы сам дьявол. Впрочем, я не искал тебя по другой причине. Просто был уверен, что принц выведет тебя через одну из дверей. Может, в Симм, может, в Тарасию, да куда угодно. Я полагал, что тебе, как и мне, понадобится время, чтобы вернуться в Королевство.

– Твой принц-засранец меня никуда не вывел, – заметила я раздраженно. – Все три волны ударили в меня, и я так и осталась сломанной куклой лежать в Сiazовой лощине. Кажется, этот герой был заинтересован лишь в твоём спасении.

– Была ведь еще Извель. Принц сделал кое-что значимое и для нее. Она подробностей не рассказывала, но где-то под Штольцем Извель пыталась

встретиться с некой важной особой. Охранник ударил ее, и она уже собиралась отступить от цели, но принц вышел из ниоткуда и расчистил для нее дорогу. Она запомнила то же самое: короткие серебряные волосы, багряная спина, будто под плащом, неземной свет, исходящий от всего тела. Правда, в ее истории есть особенность: она уверена, что на голове у этого существа была маленькая корона. Поэтому она и назвала его принцем.

Я со стоном опустилась в траву.

– Не пойми меня неправильно, Атос, я безумно рада, что ты жив. Но как же меня это достало. Я только что разобралась с тем, кто такие Поглощающие и Сияющие. И тут жизнь подбрасывает мне новые загадки: двери, принцы, перемещения в заброшенные города. Как только мне кажется, что я понимаю, что к чему, – бам! И я снова чувствую себя пятилетним ребенком, вокруг которого бушует ураган.

– Ну так жизнь и есть ураган, – философски заметил Атос, ероша мне волосы. – Он подхватывает тебя, срывает с места, ставит все с ног на голову. Но только с его помощью мы оказываемся там, где должны быть.

– И где же мы должны быть?

– Здесь. Вместе. Я два года жил этой надеждой. Поэтому можешь смеяться, но ты видишь перед собой человека, которому больше не о чем мечтать.

Я закусила верхнюю губу, стараясь сдержать улыбку, но у меня не вышло.

По дороге между высокими кустами и елями к нам с Атосом спешила женщина. Платье с туго зашнурованным корсетом, добротные ботинки, набивные рукава и даже белые перчатки – по части изящества костюма эта леди могла посоперничать с любой столичной модницей. Только вот облачена в корсет из китового уса была моя давняя подруга. Гадалка, любительница книг и лекарственных трав – Извель собственной персоной.

Имя четвертое: Роуэн

Ока даже не дала мне подняться с травы. Рухнула в своем белом облачении на колени и обхватила меня, крепко прижав к пышной груди.

– Мой Лис’енок! – радостно прокричала она. – Вот нас и свэли проклятые дороги этого Королэвства!

– Ох, удушишь, – прохрипела я, впрочем, не пытаюсь высвободиться из объятий подруги. – Я жутко рада тебя видеть. Два года.

Ока оценивающе оглядела меня и разочаровано зацокала языком:

– Совсэм сэбя не щадишь! Худая, как ветка! А грудь? Гдэ грудь? Ее и тогда-то толком нэ было...

Я скрестила руки на груди, потому что заметила, что Атоса вдруг тоже заинтересовало, куда исчезли мои формы.

– Как дела, Извель? Что ты делаешь тут, в королевском дворце, да еще и в таком наряде? Не подумай... – я замешкалась, подбирая слова. – Ты выглядишь великолепно. Но где же кольца с браслетами и сотня юбок одна поверх другой? Что стало с моей гадалкой?

– Она все там жэ, дитя. – Извель приложила руку в белой перчатке к груди. – Затаилась и ждет своего часа. Но пока я стараюсь не раздражать старушку Крианну и одэваюсь соотвэтственно ее взглядам на благочэстивый образ.

– Королеву Крианну, – поспешил поправить Атос.

Но Извель не удостоила его ни словом, ни взглядом. Зато обхватила своими ладонями мое лицо, словно я была пухлощекиим младенцем, а она – доброй тетушкой.

– Если кто и должэн объяснить свой вид, так это ты, Лис. Ты одэта как ока! Мнэ это льстит, но, признаться, тэбя сложно узнать в этом наряде! Что жэ случилось?

– Это длинная история...

– Вэсь наш мир – одна длинная история! Мне тожэ многое надо тэбе рассказать, Лис’енок. Но у нас так мало времени.

– Да ты шутишь! У нас впереди все время мира. – Я засмеялась, но, заметив, как потемнела лицом ока, мигом уняла смех.

– Тэбя в замок привел старый монах, моя дэвочка. Нэ так ли? Ты удивишься, но он всэх нас привел сюда. Кого-то прямым путем, а кого-то чэрез посрэдников. Он собрал нас всэх здесь не просто так. Мы все станэм последней стэной, защищающей Королевство.

– От чудовищ, – тихо добавил Атос. – Мы с Секирой не просто так нанялись к Крианне. Нас познакомил старик. Мастос – крайниец, как и я.

– Он же просто старый сумасшедший, – проговорила я, уже не особенно веря в свои слова.

– Можэт, – тихо смеясь, сказала ока. – Но мой народ верит, что мы всэ живем на разных гранях безумия. И тот, кого ты считаешь бэзумцем, может быть гениэм или спасителэм.

– Святой Мастос, какой бред...

Извель резко встала.

– Ты ведь не одна пришла в замок, Лис’енок. Я с радостью познакомлюсь и с твоим спутником.

Я обернулась на павильон, но маг не показывался: то ли ушел во дворец, то ли спрятался получше.

– Я не уверен, что это будет приятное знакомство, Извель, – с сомнением в голосе произнес Атос. – Ты говорила, что в снах видела Светозарного рыцаря, а этот парень больше похож на злобный волшебный труп. Ай, за что?! – Крайниец, которого с размаху я пнула по лодыжке, обиженно на меня уставился.

Извель хлопнула в ладоши.

– Я найду его. А послэ встрэтимся в тронном зале. Почти все фигуры матицца на своих мэстах. Пора обсудить, как мы спасем этот мир.

* * *

Я бродила по незнакомому дворцу одна. Сознательно подавила в себе желание идти с Извель или Атосом, держать их руки, слушать их голоса. Я уже пережила эмоциональную смерть, потеряв Атоса, а затем возрождение чувств, когда сочла Слэйто и Аэле своей новой семьей. Сейчас мне меньше всего хотелось наполнять свой мир другими людьми. Правда, спасти мир мне хотелось еще меньше.

Я пару раз прошлась по двору вместе с рекрутами. Как и обещал маг, они проснулись и разбрелись кто куда. Затем по ошибке зашла в прачечную, воздух в которой был таким влажным, что им можно было захлебнуться. Лопнув мыльный пузырь и подмигнув малышке-прачке, я двинулась дальше.

Куда же ты запропастился, Слэйто? Неужели тебя так обидело то, что я вновь обрела своих старых друзей? Смешно, учитывая, как легко ты сам от меня отказался.

Я побродила по конюшне и каким-то образом очутилась на скотном дворе среди деловитых свинок и куриц. Присев на колоду отдохнуть, я вдруг поймала себя на мысли, что хочу уйти. Да, я снова очутилась в центре событий, намечалось что-то грандиозное. Со мной были мои друзья. Но как же я устала от тайн, врагов и загадок! Это утро с сосисками и ржаным хлебом показалось таким прекрасным только потому, что оно было обычным. Без магии. Без планов по спасению мира. Просто утро и сосиски, Войя их подери.

– Привет, Лис-воительница, повелительница куриц и спасительница свиней, – произнес веселый голос.

Давно ли Слэйто стоял здесь, прислонившись плечом к косяку стойла и наблюдая за мной?

– Куда ты пропал? С тобой хотела познакомиться моя подруга Извель.

– Ока, – кивнул маг. – Наблюдал за ней, когда она разыскивала меня на летней террасе. Мне она нравится. Спокойная аура, уверенная и сильная.

Я подняла на него утомленный взгляд.

– Тебя все ищут, а ты со стороны следишь. Ну что за ребячества, Слэйто? То ты неделями отмалчиваешься, то рвешь и мечешь при встрече с Атосом. Потом ешь, как будто год голодал.

– Я пытаюсь смириться, – улыбнулся маг. Он подошел и присел на корточки рядом, его коса упала на песок. Поморщившись, я подняла ее за кончик и начала отряхивать.

– С чем смириться? С тем, что ты не самый крутой парень на свете? Добро пожаловать в мой мир. Его величество Атос даст тебе фору.

– С тем, что все в этом мире временно.

Я уставилась на него.

– Какая проникновенная глубокая мысль. Долго ты к ней шел?

Он пропустил колкость мимо ушей и серьезно произнес:

– Дольше, чем следовало. После того как ты вернула меня с того света, я носился, как умалишенный, думая, что это мой второй шанс: на жизнь, на счастье, на любовь. Но что, если это не шанс, а всего лишь отсрочка смерти?

Я перехватила его косу и в два взмаха намотала ее на кулак, притянув мага к себе.

– Не смей так обращаться с даром, который я выторговала у Аэле! Я шагнула за грань жизни и вытащила тебя не для того, чтобы ты играючи разбазаривал его на нытье и вздохи.

Он не отвечал, а лишь смотрел на меня с болезненной улыбкой. Я пыталась, но никак не могла понять, отчего меня так злит его меланхолия. Конечно, в моих

мечтах восставший из могилы Слэйто любил жизнь – и меня как неотъемлемую ее часть. Он не рассуждал о краткости отведенного ему срока, не пытался пугливо найти себе место в этом неуютном и новом для него мире. Слэйто должен был просто смело шагнуть вперед, но у него не получалось. Я так жаждала от него поддержки, что сама не могла стать той опорой, в которой он нуждался. Но вести себя иначе тоже не могла. Мир вокруг рушился, времени на сантименты просто не оставалось.

– Все. Прекрати. Нас ждут в тронном зале. Поговорим потом. – Я поднялась, выпустив его косу. Слэйто встал вслед за мной.

– Конечно, – сказал он равнодушно.

Мы пошли в сторону главного строения. Шагали рядом, плечом к плечу, но между нами пролегли столетия и километры наших собственных мыслей. Я взглянула на профиль Слэйто и впервые задумалась о том, какие истинные желания крутились в его светлой голове. Чего это двухсотлетнее существо хотело теперь, после возрождения, и к чему стремилось? И самое главное, почему он остался рядом?

* * *

Тронный зал, как и весь дворец, едва напоминал о собственном былом величии. Некогда самодержец принимал здесь иностранных монархов, а просители выстраивались в длинную очередь к трону, чтобы слезами или лестью выбить милость. Сейчас все, что осталось нетронутым, – это мраморные плиты пола да огромные люстры с огарками свечей высоко под потолком. Вместо трона на возвышении стояло обитое бархатом кресло. Один из его подлокотников был разодран, будто кошка несколько лет подряд точила об него когти. Солома и вата, выглядывающие из-под роскошной обивки, говорили о новой королеве больше, чем флаги Белого Чертополоха, развешанные по стенам.

У подножия ступеней, ведущих к трону, стоял стол с массивной столешницей и ножками в виде звериных лап. Вокруг него выстроились семь стульев: все как на подбор из разных комплектов и, такое ощущение, что даже из разных эпох.

На двух уже сидели люди. Извель, облокотившись о стол, смотрела перед собой, но взгляд ее ни на чем не сосредотачивался – она блуждала где-то в своих воспоминаниях. Атос, будто нерадивый ученик, ковырял столешницу ножом, но, как только заметил нас с магом, тут же поспешил его спрятать.

Одновременно с нами в зал из маленькой дверки справа от трона вошла ее величество. Она не видела прикованных к ней взглядов, и я поразились, какой усталой и вымотанной выглядела эта старая женщина. «Она не хотела быть королевой, – подумалось мне, – ее вынудили принять эту ношу». Корона – тяжкий груз, если власть не вызывает в тебе страсти.

– Ну что ж, мы почти в сборе, – бодро произнесла Крианна.

Мы сели на стулья. Я покосилась на два пустующих места и спросила:

– Должен прийти кто-то еще?

– Одно место за Секирой, – ответил вместо королевы Атос. – Она сейчас в северных землях Тилля, пытается договориться с их дарганом о военной помощи. Я лично не понимаю, что она находит в этих вечно прищуренных ребятах, но она в них бесконечно влюблена.

– Очаровательно, ты еще и нетерпим к другим расам, – хищно улыбаясь, вставил Слэйто. – Мой отец был из Тилля. Еще одна причина нам с тобой крепко подружиться.

Атос закатил глаза, а королева нахмурилась и проговорила:

– Да, Секира вряд ли к нам присоединится. А вот второй стул, как я надеюсь, в ближайшее время займет король.

– О, так вы замужем? – Я искренне удивилась, потому что слышала только о королеве Крианне и никогда – о ее супруге.

– Замужество? Брось, деточка, хоть я и угодила в золоченую клетку дворца, мне хватило мозгов, чтобы не сковывать себя узами брака, – расхохоталась Крианна. – Нет, я говорю об истинном короле. Том, для кого я сейчас согреваю

трон своей тощей старой задницей.

– Неожиданно. Впрочем, я устала удивляться. То есть вы выиграли войну не для себя?

– Посмотри на меня, Лис. Я одной ногой стою в тронном зале, а другой – в могиле. А то, что у меня между ног, накроет Королевство, если я не успею передать власть кому-то молодому, полному сил и более достойному этой проклятой короны.

– Знаю я одного молодого и достойного, – пробормотала я себе под нос. Но чуткая старуха все равно расслышала.

– А он один и есть. Последний наследник истинного короля, штольцевская кровь с русалкой на гербе. Когда-то его именовали принцем Роуэном, а сейчас, если верить нашему генералу, он величает себя Гардио.

Вместо трубки старуха достала кисет, а из него – щепотку жевательного табака и, закинув ее в рот, заработала челюстями, как жерновами.

– И он придет? – на всякий случай уточнила я. – Придет, ни слова не сказав, возьмет власть, сядет вон в то милое кресло и начнет править?

– Его приведет сюда тот же, кто привел тебя. Наша темная, во всех смыслах этого слова, лошадка – Мастос. А возьмет ли Гардио на себя это бедствие, будет зависеть от того, повзрослел наш принц или остался маленьким обиженным щеночком. – Крианна метко сплюнула желтую от табака слюну в специальную медную плевательницу, притаившуюся у ближайшей к ней ножки-лапы.

Извель потянулась через стол и взяла мою руку.

– Ты послала его искать меня, Лис'енок. Но вышло так, что йа сама нашла его раньше. Ему надо было очень мало: нэмого веры в то, что он не один стоит против всэх чудовищ в Королевстве. Когда он придет сюда, то увидит, какую силу мы собрали, – тэперь мы можэм им противостоять.

– А как ты сама очутилась здесь?

– Меня направил в столицу Мастос. – Извель задумчиво свела свои белоснежные брови. – Станный человек, страшный. Но он служит дэлу, в которое верит, в этом я уверена.

Какая-то мысль билась у меня в голове, будто птица под крышей дома. Я забыла нечто важное, нечто, связанное с Мастосом. Но на меня сейчас и без того столько всего свалилось, что я лишь крепко зажмурилась и отодвинула потерянную мысль на самые задворки разума.

– Итак, ни Секиры, ни Гардио с нами нет. Но мы все-таки собрались. Гражданская война окончена, но по Королевству толпами бродят монстры. Один из них упорно преследует меня во снах, точнее сказать – в кошмарах. Слэйто пока держит оборону, однако я бы хотела вернуть себе право на спокойный сон.

– Они не будут ждать, – внезапно сказала королева. – Эти сволочи годами собирали силы, заселяли наши земли, прятались в наших городах. Но вовсе не для того, чтобы за пару сотен лет мирно выжить нас из Королевства. Эти твари не желают ждать.

– Почему вы так считаете? – спросил Слэйто. – Мы повстречали нескольких из них, и они не были настроены враждебно. Девочка-выдра, человек-волк. Напуганные, обозленные, но не враги.

– Знаешь, светленький, – обратилась к магу Крианна, и я невольно улыбнулась – уж больно подходило это прозвище Сияющему. – По шелудивой овце не судят все стадо, а по спящему волку не оценивают стаю. Я не знаю, кого вы там встречали, но война идет вовсю: деревни на севере уже попали под удар. Две недели от какого-нибудь отдаленного села нет вестей, а когда туда добираются мои солдаты, дома заселены, очаги топятся, люди довольны. Только вот это уже другие люди. А те, кто жил в этом селе раньше, – просто исчезли.

– У нас две главных задачи, – начал Атос, поглядывая то на королеву, то на Извель, ожидая, что те подтвердят его слова. Обе женщины благосклонно кивали. Мой крайниец всегда умел очаровывать дам постарше. – Во-первых, выяснить все, что сможем, о том, с кем мы имеем дело. И, во-вторых, собрать все силы, что у нас остались после изнурительной войны, чтобы ударить врага в самое сердце.

– Только беда, что нэт у нэго сэрдца, – мрачно заметила ока. – Это не лэгион, на который можно напасть и разбить его.

– Именно поэтому и надо узнать, кто наш противник. Но это не значит, что пока мы ищем ответы, нельзя призвать под знамена людей, которые еще в силах держать меч.

– Боюсь, людьми мы не обойдемся, – проговорила королева.

Мрачное молчание повисло в зале, только подметающая пол служанка шуршала метлой: шух-шух-шух. Наконец королева нарушила тишину:

– Я думаю, вы устали с дороги и вам следует отдохнуть. Я попросила Глэйду подобрать комнаты из тех, что почище, и постелить там свежее белье. А то здесь даже некоторые сортиры со времен старого короля не чищены.

Я поднималась вслед за вертлявой служанкой – той самой, которая только что подметала в зале. Девушка трещала, будто позабытая на ветру вертушка, но я едва понимала смысл сказанного. Усталость навалилась на меня гранитной плитой. Я бегала наперегонки с ветром, потом – со временем. И каждый раз мои силы поддерживала лишь призрачная надежда на то, что гонка однажды оборвется. Что я смогу остановиться, вдохнуть полной грудью и больше никуда не спешить. Но как только исчезала одна цель – появлялась другая. И я опять начинала чувствовать себя собакой из тех, что участвуют в погоне за шустрим зайцем. Мне никогда не догнать его, будь он неладен.

Служанка, видимо, что-то спрашивала у меня по пути в покои, и, заметив, что я ее не слушаю, не на шутку обиделась.

– Вот-ваша-комната-госпожа, – быстро пробормотала она и скрылась, взметнув юбкой пыль.

Я вошла, но внутри меня поджидал очередной сюрприз – молоденькая девушка в ажурном чепце и аккуратном белом переднике. Она выглядела растерянной.

– Что случилось, милая? Мне сказали, что это моя комната и я могу тут отдохнуть, – обратилась я к горничной.

– Я, правда, не знаю, как это произошло, госпожа, – дрожащим голосом произнесла девушка и указала на стол перед распахнутым окном. Там вальяжно разлегся полосатый кот. Толстый, в коричневую полоску, с разодранным ухом – настоящий пират!

– Ну, подумаешь, котик, – удивилась я. – Я люблю котов. Они хищники сродни лисам. Такие же симпатичные и подлые твари.

Девушка всплеснула руками.

– Да дело не в коте! Кот пришел позже. Кто-то пробрался в ваше окно и подложил вот это. – Только сейчас я заметила аккуратную стопку исписанной бумаги, которую мохнатый наглец прижал к столешнице своим задом. – Я убиралась тут, вышла на секундочку и... Ума не приложу, кто и, главное, как мог сюда попасть?

Я подошла к окну и выглянула наружу. Взобраться на стену мог только циркач или муха. Узенький парапет, тянувшийся от подоконника, вел к более низкой крыше холла. Тропинкой в мое пристанище могла послужить только она.

– Пройти тут мог только ты, – пробормотала я, почесав кота за ухом. – А учитывая, какой ты жирный, удивительно, что и ты сюда добрался.

– Ладно, – добавила я чуть громче, обратившись к горничной. – Не переживай.

Девушку как ветром сдуло. Я присела на колченогий стул и вытащила листы из-под кота. Заполненные ровным почерком пронумерованные страницы желтой бумаги приятно шелестели под пальцами.

Кот, видимо, вознамерился посторожить голубей и перебрался поближе к распахнутым створкам окна, где уселся, ворча и размахивая хвостом. Я принялась читать.

Дорогая Лис,

Я выполняю свое обещание и начинаю присылать письма, которые помогут тебе одержать победу в войне. Каждое письмо – это ключ к прошлому. Ведь не разобравшись до конца, что таится позади, ты не можешь смело шагать вперед. На этих страницах перед тобой раскроются тайны, но ты должна будешь их сохранить. Зная твой нрав, понимаю, что это будет сложно. Однако пойми, что истории, собранные мной по крупицам, принадлежат тебе не больше, чем мне или их непосредственным участникам. Все это – чей-то неведомый замысел, в котором ни один из героев не знает своей роли.

Читай эти истории, моя дорогая Лис, и делай свой ход. Это твои козырные карты, твои камни в матицца.

Роуэн

Первым рассказчиком выступлю я сам, потому что вряд ли в живых остался хоть кто-то, знающий так подробно события жизни и исчезновения маленького принца Роуэна. Я стоял над его кроваткой, когда повстречал кое-кого особенного, и уже тогда почувствовал, что в маленьких младенческих пальчиках рано или поздно будет сосредоточено будущее моей страны.

Я и начну с них, этих хрупких маленьких пальчиков, которыми малыш Роуэн сжимал только лаковую погремушку да край своего шелкового одеяльца. Эти ручки почти никогда не касались груди матери, да и от отца он слишком рано отдалился. Благородная кровь Роуэна стала не величайшим даром, а проклятием. Выпуская нас в жизнь, родители не спрашивают нашего согласия. Они рожают нас иногда по любви, иногда по нелепой случайности, а в случае с Роуэном – как часть великой политической игры.

Мать принца приходилась королю двоюродной сестрой. Их матери были не просто сестрами, а близнецами. И, к счастью, ни одна из них не дожила до этого странного союза. Монарх тогда еще не именовался «старым королем», он был полон сил и страстей, но тратил их не на благо нашего Королевства, а, увы, на свои порочные увлечения. В самых отдаленных уголках страны король находил магические артефакты, забирал их себе, а потом часами просиживал над своими сокровищами, закрывшись в кабинете. В конечном счете, скорее всего, именно игрушки Поглощающих и Сияющих его и прикончили. Ведь еще до рождения принца он мог подолгу недвижно созерцать очередную безделушку, не реагируя на просьбы близких, а ночами заходил в мучительном кашле.

Королева, которая двадцать пять лет назад прибыла в Королевство юной и напуганной симмской принцессой, смирилась со странными увлечениями супруга, равно как и с тем, что детей у них не будет. Сколько бы двор ни требовал наследника – живот у прекрасной королевы не рос. Я частенько видел их вместе – нашу правящую чету – они не выглядели супругами или любовниками, скорее старыми друзьями, в меру заботливыми, но довольно равнодушными к судьбе друг друга. Может, и не было между ними близости, которая приводит к детям, а может, королева физически не могла зачать. Бесплодная Слива – так ее прозвали при дворе, намекая на сизовато-синий фрукт, украшающий герб острова Симм.

Графиня Штольца свалилась к нам как снег на голову. Она сама, пятеро ее детей, буйный супруг – все они в одночасье заполонили дворец. В какую бы комнату я ни совался вместе со своими сиятельными учениками, там обязательно уже находился кто-нибудь из штольцевской родни. Все как на подбор: белобрысые, с крупными чертами лица, смешливыми большими ртами – в каждом из детей легко было разглядеть их мать. Графиня была прямой противоположностью королеве. Монархиня в свои сорок почти была прозрачна, хрупка, как хрустальный бокал, и передвигалась неслышно, словно эльф. А вот леди из Штольца со своим огромным бюстом, белокурой толстой косой и громоподобным голосом сотрясала дворец, будто великан из древних легенд.

Семейство графини прибыло якобы чтобы «помочь по хозяйству». Никто из приближенных толком не мог объяснить, что означала эта фраза. Муштровать горничных? Проверять работу ключниц? Зачитывать устав камердинерам?

Все понимали, что король все более и более отдаляется от управления страной и вот-вот свихнется от своих магических игрушек. И графиня знала это не хуже прочих. В то время как дворяне помельче начали мелочную дележку земель под ничего не видящим взглядом монарха, леди из Штольца, кузина короля, прибыла в Ярвелл, чтобы упрочить свое положение раз и навсегда. И она знала, как это сделает.

Графиня не стеснялась королевы. Она стала посещать семейные обеды четы, без приглашения заходила в личные покои, вмешивалась в собрания королевского совета. Однако королева так и не поставила ее на место. Наша Бесплодная Слива испугалась конфликта и сделала то, что показалось ей наилучшим выходом: просто стала ходить другими коридорами. Король, конечно, тоже

поначалу ошалел от такого напора, но безудержная энергия его кузины неплохо встряхнула монарха. Он стал чаще улыбаться, заинтересовался делами подданных и даже начал выходить в сады своего дворца, прогуливаясь с двоюродной сестрой, которая была шире его в плечах и на голову выше.

Когда-то давно сестры-близнецы с разницей в год понесли младенцев. Одному из них предстояло стать последним королем умирающей династии, а другой – супругой пьяницы-северянина, осевшего в Штольце и живущего лишь пирами да охотой. Но несколько безоблачных лет дети провели вместе. Они делили огромный дворец Ярвелла, как площадку для своих игр, и были самыми счастливыми детьми в Королевстве. Потом судьба развела их на долгие годы, но секрет графини состоял в том, что она-то никогда не забывала милого мальчика, с которым была так дружна в детстве. Этот седеющий мужчина, помешанный на проклятых безделушках, все еще был для нее тем же сорванцом. И пока придворные дрожали и пресмыкались, она единственная знала, чем рассмешить и развлечь своего короля.

Как быстро эта дружба переросла в нечто большее, не знал никто из двора. Я был так доволен изменениями в короле, что закрывал глаза на то, что графиня занимает все больше и больше места в его жизни. Монарх вновь слышал меня, когда я говорил с ним, и даже мое предложение по реформе образования – возвращение сельских школ – уже вызывало у него не кривую усмешку, а едва заметный интерес. Я был так окрылен этими метаморфозами, что не заметил, как наша тихая королева собрала всех своих фрейлин и переехала из опочивальни супруга в дальний флигель дворца. Она перестала появляться на обедах, балах и даже государственных праздниках. Словом, везде, где она могла пересечься с шумной графиней и своим потерянным супругом.

Графиня ждала этого шага и, закрыв дверь супружеской опочивальни, где медленно спивался ее недалекий супруг-северянин, переселилась в будуар попросторнее – королевскую спальню. Буквально через пару месяцев ее живот заметно округлился, а щеки порозовели. И, знаешь, никто, ни один из придворных не высказал ни одной гнусности в тени дворцовых переходов. Все вздохнули с облегчением. Это мог быть наследник. Пусть и дитя ближайших родственников, но чистый по крови, высокий по происхождению и вернувший нам короля.

Малыш родился чуть раньше срока. Графиня, прогуливавшаяся в одиночестве по своим любимым садам королевского дворца Ярвелла, просто почувствовала

слабость и присела на одну из скамеек. И уже через двадцать минут без единого вскрика подарила этому миру принца Роуэна. Крепкого, кровь с молоком, мальчугана. Не просто ребенка – продолжение династии. Все взоры были обращены к колыбельке. И даже я, увлеченный лишь своей реформой, пришел посмотреть, о чем все так судачат.

Счастливым отец, казалось, совсем оттаял. Несмотря на незаконное рождение, наличие графа Штольца (пусть и не совсем вменяемого от ежедневных возлияний), да и вообще спорное положение графини при дворе, монарх отдался отцовству по-настоящему. Он часами играл с малышом Роуэном, названным в честь деда короля. А вот графиня медленно, но верно отдалялась от своего кузена. И это тоже было политическим шагом. Она связала себя с династией прочнейшей из нитей. Что бы ни произошло в Королевстве, она была и будет матерью наследника. Поэтому, покинув постель короля, графиня Штольца вернулась в семью: вытерла лица своим заплаканным и брошенным детям, обняла совсем одичавшего от одиночества мужа и, прихватив несколько тысяч олов из казны, укатила обратно на север.

Так Роуэн стал сиротой по материнской линии. Но у него оставался любящий отец, целый рой нянек и кормилиц, и что самое поразительное – у его колыбельки все чаще стала появляться... королева. Да, наша Бесплодная Слива вышла из своего темного флигеля, стоило шумному семейству Штольца покинуть дворец. Другая на ее месте возненавидела бы малыша, это живое доказательство измены мужа, но только не королева. Она ведь любила детей. Это и было самым страшным и трагичным в ее судьбе. При всей своей нежности и природном материнском инстинкте она не смогла дать стране то, чего та от нее так ждала, – наследника. А вот графиня смогла. И, может быть, именно это оправдало в глазах королевы противоестественный союз ее супруга и северянки.

Она не могла и не хотела злиться на Роуэна. И хотя королева продолжала избегать мужа, ее все чаще замечали в детской. Поначалу у порога, потом у кровати, а иногда и на ковре возле нее. Среди разбросанных игрушек и крошек печенья Бесплодная Слива смеялась залихватистым смехом и пела свои чудные симмские колыбельные.

Однако судьба уже готовила этому венценосному малышу тяжелое испытание.

Однажды король не запер дверь своего особого кабинета, где хранились его магические находки, и оставил сына играть с бумагами (не исключено, что среди

тех листов находился и мой законопроект). Когда отец вернулся в покои, то Роуэн, уже посиневший, лежал лицом вниз на каменном полу, сжимая в ручонке какую-то проклятую драгоценность. Я проходил мимо кабинета, когда обезумевший король выскочил из дверей и стал звать на помощь. Именно я подбежал к малышу и вырвал из его ладошки смертоносную вещицу. Вырвал и швырнул в стену с такой силой, что та разлетелась вдребезги. Но темно-зеленое магическое пламя уже окутало принца Роуэна, и в сознание он так и не вернулся. Я видел это пламя, возможно, потому, что сам коснулся артефакта. Видел его и король, проводивший с вещами Поглощающих гораздо больше времени и прекрасно понимавший, что от неизвестного недуга принца не спасет ни один лекарь.

И тогда король решился на то, что любому нормальному отцу показалось бы безумством. Он взял мальчика и поскакал в ближайший к нему Удел Света. Люди редко говорили о хозяине этого места, как и о прочих высших магах, но его не обвиняли ни в особых злодействах, ни в тяге к жестокости. Я следовал за моим королем, как он ни проклинал меня, как ни гнал назад. И хотя принца вез отец – я видел лишь светлую головку за краем плаща, – мне казалось, что с каждым километром сердце Роуэна билось все тише, выдох все реже сменялся вдохом.

Когда мы вошли в Чертог Света, то словно шагнули из летнего полдня в студёные зимние сумерки. Воздух искрился снежинками, а дыхание вырывалось облачками пара, инеем оседая на усах и бороде. Сияющий явился к нам почти сразу. Седой старик, иссохший, как старое дерево, но чей взгляд пронизывал насквозь. Нехорошие у него были глаза, мертвые и равнодушные. Он не был одет в магическую робу или плащ. Обычная крестьянская рубаха и штаны. Ноги его были босы: он шел по снегу, не замерзая, и, к моему удивлению, не оставлял следов. Маг ничего не сказал, а только подошел к королю, который трясся то ли от холода, то ли от страха перед Сияющим. Затем старик отодвинул ткань с лица мальчика, закутанного в плащ, и произнес:

– Интересно.

Мозолистым пальцем он коснулся сначала лба принца, затем кончика носа и нижней губы. Потом словно разрезал воздух по этой линии над лицом Роуэна. В тот же миг вокруг ребенка словно что-то разорвалось, лицо мальчугана побагровело, он учащенно задышал, а потом и вовсе разревелся. И я, и король потрясенно уставились на волшебника, спасшего малыша, но тот не дал нам сказать ни слова.

– Пока он с тобой, – Сияющий ткнул пальцем в короля, – он будет в опасности. Ты уже сгнил до нутра, играя с вещами, которые тебе неподвластны, а теперь хочешь сгноить и сына.

Король собирался ответить, но маг махнул сомкнутой ладонью перед лицом монарха, и тот замолчал, словно по волшебству. Хотя почему же «словно» – это и была магия, мгновенно запечатавшая рот великому королю.

– Пока он принц, он не будет знать покоя. Каждому встанет поперек горла, каждому будет мешать. И ты его не защитишь, – пригрозил старик. – Пусть отречется. От имени, от рода, от дворца.

Сияющий развернулся и собрался уходить, но, помедлив, взглянул на меня. Столько лет прошло, а я все еще помню его ужасающе-пронзительный взгляд. Глаза старые и мудрые, непрощающие и бесконечно усталые. Он смотрел на меня или сквозь меня, будто пытался разглядеть будущее, а затем изрек, кивнув на короля:

– Он уже потерял свою империю. Не надейся на него, беги пока несут ноги. Ты уже знаешь, что грядет.

Он ошибался. Тогда я еще ничего толком не знал, а только чувствовал где-то глубоко внутри, что впереди нас ждут страшные и темные времена.

– Строй свою империю, Мастос, – добавил старик, непонятно как узнавший мое имя. – Империю слухов, тайн и донесений. Такие королевства обычно стоят прочнее, чем те, что воздвигнуты на человеческой крови. Придет время, и ты спасешь мир.

С этими словами он исчез. А мы с королем покинули Удел Света, оба пребывая в замешательстве. Каждый услышал жуткое предсказание, и каждый должен был решить, как ему с ним жить.

Король был смелее меня. Покуда я продолжал учить молодых герцогов и герцогинь при дворе, даже не помышляя о строительстве какой-то там империи, он поступился своей любовью к сыну и отослал Роузена к матери, подальше от опасной магии.

Вместе с ребенком королева словно потеряла смысл оставаться в Ярвелле подле супруга. Наша венценосная госпожа собрала своих фрейлин и в один день покинула и дворец, и столицу. Сначала все твердили, что она отправилась на Симм повидать родных, затем – что решила посетить все тридцать святилищ богов Королевства, чтобы замолить грехи мужа, но постепенно голоса умолкли. Потому что поняли: Бесплодная Слива покинула дворец и страну навсегда. Оскорбленная, раздавленная, так никем и не понятая. Одинокая чужестранка в дальнем краю, у которой отняли единственное, что приносило ей радость, – малыша Роуэна.

Мальчик же изредка приезжал в Ярвелл, чтобы повидать отца, но оставался лишь на пару дней – искусству править он обучался у себя в Штольце. Лишить сына прав на престол, несмотря на предречения Сияющего, король так и не смог. И уже вскоре пожалел об этом. Здоровье его пошатнулось, и ближайшие родственники – многочисленные дядья, племянники, троюродные братья и сестры – почуяли запах большой наживы.

Первое покушение на Роуэна произошло, когда тому сравнялось восемь. В тот раз один личный охранник принца погиб, а другой был тяжело ранен и месяц потом умирал, несмотря на старания врачей королевской семьи. Не прошло и полгода, как на мальчика напали снова, когда он гулял в саду своего дворца с гончими. Собак убили, хотя они и не были сторожами, а до мальчика не добрались лишь чудом – он успел укрыться в доме на дереве и отрезать веревочную лестницу. Покуда наемные убийцы пытались взобраться на дуб, подоспела стража. Графиня, которой сын был выгоден во дворце и сильно мешался в Штольце, конечно, пыталась его защитить. Но и она, подобно королю, сильно сдавала позиции на политическом небосклоне нашей страны. Пришли новые родственники, молодые, с полным ртом острых и крепких зубов, не гнушающиеся убийством ребенка. Что могла противопоставить им стареющая графиня вместе с маленьким кругом прислуги и охраны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/li-viksen/imya-dlya-lis>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)